

КНИГА
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Пелам Гренвилл
ВУДХАУС

Положитесь
на Псмита

Псмит

Пелам Гренвилл Вудхаус

Положитесь на Псмита

«АСТ»

1923

Вудхаус П.

Положитесь на Псмита / П. Вудхаус — «АСТ», 1923 — (Псмит)

«Положитесь на Псмита» - полный озорного юмора роман о приключениях великосветского бездельника, периодически пытающегося заняться чем-нибудь полезным для общества. На сей раз Псмит выступает в совершенно неожиданной даже для себя роли - он становится частным детективом и расследует поразительно нелепое дело о краже бесценного ожерелья леди Констанции Кибл. Под подозрением - все, даже... сам Псмит!

© Вудхаус П., 1923

© АСТ, 1923

Содержание

1. Черные замыслы в замке Бландингс	5
2. Появляется Псмит	20
3. Еве одалживают зонтик	30
4. Тягостная сцена в клубе «Трутней»	33
5. Псмит ищет применения своим услугам	35
6. Лорд Эмсуорт знакомится с поэтом	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пелам Гренвилл Вудхаус

Положитесь на Псмита

1. Черные замыслы в замке Бландингс

I

У открытого окна величественной библиотеки замка Бландингс, обвисая, точно мокрый носок, как было у него в привычке, если ничто не подпирало его позвоночник, стоял граф Эмсуорт, милейший и тупейший пэр Англии, и озирал свои владения.

Утро было прелестно, воздух напоен летним благоуханием, но бледно-голубые глаза его сиятельства наполнились меланхолией. Его чело изборождали морщины, губы горько кривились. Что выглядело очень и очень странно, поскольку обычно он бывал счастлив и весел, как только может быть счастлив и весел пустоголовый человек с превосходным здоровьем и большим доходом. Журналист в статье, посвященной замку Бландингс, однажды написал: «Трещины в камнях заросли мхом, и с близкого расстояния здание кажется мохнатым». Это описание могло бы относиться и к владельцу замка: пятьдесят с лишним лет безмятежного и мирного спокойствия придали ему странно обомшелый вид. Расстроить графа было нелегко. Даже его младшему сыну, высокородному Фредди Трипвуду, это удавалось лишь изредка.

И все же лорда Эмсуорта снедала печаль. И (не станем долее делать из этого тайны) причина его печали заключалась в том, что он куда-то засунул свое пенсне, а без пенсне он – используя его собственное оригинальное сравнение – был слеп, как крот. Всеми фибрами ощущая солнечный свет, струящийся на его сады, он жаждал сигануть туда и пошебаршиться среди своих любимых цветов. Но ни один человек, как бы ловко он ни сиганул, не сможет плодотворно шебаршиться, если мир вокруг сливается в единое неясное пятно.

Дверь позади него отворилась, и Бич, дворецкий, вступил в библиотеку торжественной процессией.

– Кто тут? – спросил лорд Эмсуорт, поворачиваясь вокруг своей оси.

– Это я, ваше сиятельство. Бич.

– Вы его нашли?

– Пока еще нет, ваше сиятельство, – вздохнул дворецкий.

– Значит, не искали.

– Искал со всем усердием, ваше сиятельство, но тщетно. Томас и Чарлз также доложили о своем фиаско. Стоукс еще не отпарентовал.

– А!

– Я вновь отряжу Томаса и Чарлза в спальню вашего сиятельства, – сказал Распорядитель Охоты. – Уповаю, что их старания увенчаются успехом.

Бич удалился, а лорд Эмсуорт повернулся к окну. Расстилавшийся перед ним ландшафт, который он, к несчастью, не мог увидеть, был удивительно красив. Замок, один из древнейших еще обитаемых памятников старины в Англии, стоит на вершине пологого холма в южном конце прославленной Долины Бландингс в графстве Шропшир. В голубой дали лесистые холмы сбегали к Северну, сверкающему, как обнаженный меч, а от реки парк зеленой волной через пригорки и ложбины почти накатывался на стены замка, внезапно уступая место роскошным пестрым цветникам, – здесь начинались владения Ангуса Макаллистера, старшего садовника его сиятельства. Поскольку было тридцатое июня – время неистовства летних цветов, – ближайшие окрестности замка пылали розами, гвоздиками, анютиными глазками, лев-

коями, штокрозами, шпорником, колокольчиками и еще множеством самых редкостных цветов, названия которых сообщить вам мог только Ангус. Добросовестный человек был Ангус, и, хотя любительские потуги лорда Эмсуорта очень его допекали, он тем не менее добивался в своей области блистательных результатов. Его клумбы давали много пищи для гордости и мало причин для озабоченности.

Едва Бич покинул библиотеку, как уединение лорда Эмсуорта вновь было нарушено. Дверь отворилась во второй раз, и на пороге застыл молодой человек в элегантнейшем летнем костюме. Его длинное идиотичное лицо завершалось глянцевыми волосами, зачесанными назад и густо набрильянтиненными, как требовала мода, а стоял он на одной ноге. Ибо Фредди Трипвуд редко чувствовал себя легко и свободно в присутствии своего родителя.

– Привет, папаша.

– Да, Фредерик?

Сказать, что лорд Эмсуорт приветствовал сына с восторгом, значило бы покривить душой. В его голосе отсутствовала нота истинной нежности. Не прошло и месяца с тех пор, как ему пришлось уплатить пятьсот фунтов, которые его отпрыск проиграл на скачках, и, хотя потеря этой суммы не нанесла смертельного удара его банковскому счету, она, бесспорно, снизила обаяние Фредди в глазах родителя.

– Говорят, папаша, вы потеряли пенсне.

– Совершенно верно.

– Плохо дело, а?

– Бесспорно.

– Надо бы завести запасное.

– Я сломал запасное.

– Это надо же! А второе потеряли?

– Верно, а второе потерял.

– Но вы его искали?

– Искал.

– Ведь где-нибудь оно же должно быть, а?

– Вполне возможно.

– А где, – спросил Фредди с нарастающим энтузиазмом, – вы его видели в последний раз?

– Уйди, – сказал лорд Эмсуорт, на которого беседа с его дитятей начинала производить гнетущее действие.

– Э?

– Уйди!

– Уйти?

– Да, уйди!

– Будет сделано!

Дверь закрылась. Его сиятельство вновь вернулся к окну.

Он простоял там несколько минут, и вдруг произошло одно из тех чудес, которые столь часто случаются в библиотеках. Без звука, без предупреждения секция книжного шкафа отделилась от родительского тела и по дуге выдвинулась внутрь комнаты вся целиком, открыв вход в небольшое, похожее на кабинет помещение. Оттуда бесшумно вышел молодой человек в очках, и книги вернулись на свое место.

Контраст между лордом Эмсуортом и новоприбывшим был разительным, если не сказать трагическим. Лорд Эмсуорт выглядел таким отчаянно безочковым, а Руперт Бакстер, его секретарь – таким законченно очкастым! При первой встрече с ним вас поражали именно очки. Они сверкали такой неизъяснимой компетентно-стью! Если совесть ваша была нечиста, они прожигали вас насквозь опять и опять, и, даже если ваша совесть была на сто процентов неза-

пятнанной, отмахнуться от них вы не могли. «Вот, – говорили вы себе, – компетентный молодой человек в очках».

Назвав Руперта Бакстера компетентным, вы отнюдь его не переоценивали. Он был сама компетентность. Формально всего лишь секретарь на жалованье, он мало-помалу, благодаря бесхребетной покладистости своего патрона, стал истинным хозяином замка. Он был Мозгом Бландингса, человеком у пульта управления, носителем ответственности и, так сказать, лоцманом, проводящим корабль через любые буруны. Лорд Эмсуорт все оставлял на Бакстера, прося только одного: чтобы ему не мешали безмятежно шебаршиться, и Бакстер, более чем компетентный для такой задачи, взвалил ее себе на плечи и не поморщился.

Оказавшись в пределах слышимости, Бакстер кашлянул. Лорд Эмсуорт, узнав этот звук, мгновенно обернулся, и в нем пробудилась надежда. А вдруг и эта словно бы неразрешимая загадка исчезнувшего пенсне не устоит перед беспощадной компетентностью его секретаря?

– Бакстер, мой милый, я потерял пенсне. Мое пенсне. Куда-то его положил. И не могу вспомнить куда. Вы, случайно, его не видели?

– Видел, лорд Эмсуорт, – ответил секретарь, найдя выход и из этого кризиса, – ваше пенсне висит у вас на спине.

– У меня на спине? Подумать только! – Граф проверил это утверждение и убедился, что оно (как и все утверждения Бакстера) полностью соответствовало действительности. – Подумать только! Вот же оно. Знаете, Бакстер, мне иногда кажется, что я становлюсь рассеянным. – Он подтянул шнурок, ухватил пенсне и, сияя, водрузил на нос.

Раздражение лорда Эмсуорта исчезло, как роса с одной из его дивных роз.

– Благодарю вас, Бакстер, благодарю вас. Вы неоценимы.

И, сияя солнечной улыбкой, лорд Эмсуорт почти вприпрыжку направился к двери на пути к Небесам Господним и обществу Макаллистера. Это вызвало у Бакстера новый кашель, на этот раз резкий, категоричный, и его сиятельство неохотно остановился, точно пойнтер, которому свистнули, едва он побегал по следу. Как ни восхитителен был Бакстер во многих и многих отношениях, у него была прискорбная тенденция допекать своего патрона, и что-то шепнуло лорду Эмсуорту, что сейчас начнется допекание.

– Автомобиль будет у дверей, – сказал Бакстер со спокойной твердостью, – ровно в два.

– Автомобиль? Какой автомобиль?

– Автомобиль, который отвезет вас на станцию.

– На станцию? Какую станцию?

Руперт Бакстер и бровью не повел. Бывали минуты, когда ему приходилось с его патроном нелегко, но он сохранял хладнокровие.

– Возможно, вы забыли, лорд Эмсуорт, что обещали леди Констанции поехать днем в Лондон.

– Поехать в Лондон! – с ужасом ахнул лорд Эмсуорт. – В такую погоду? Когда в саду сотни и сотни дел? Что за нелепость! С какой стати мне надо ехать в Лондон? Терпеть Лондона не могу!

– Вы обещали леди Констанции, что пригласите мистера Мактодда позавтракать с вами в вашем клубе.

– Что это еще за Мактодд?

– Известный канадский поэт.

– Никогда о нем не слышал.

– Леди Констанция давно восхищается его произведениями. Она послала ему приглашение непременно погостить в Бландингсе, если он когда-нибудь окажется в Англии. Сейчас он в Лондоне и завтра приедет сюда на две недели. Леди Констанция подумала, что в знак уважения к месту, которое мистер Мактодд занимает в литературном мире, вам следует встретить его в Лондоне и самому сопроводить сюда.

Лорд Эмсуорт вспомнил. И вспомнил, что этот адский план зародился вовсе не в голове его сестры, леди Констанции. Предложил его Бакстер, а леди Констанция только одобрила. Он воспользовался вновь обретенным пенсне, чтобы сквозь его стекла гневно уставиться на своего секретаря, – не в первый раз за последние месяцы в нем шевельнулось подозрение, что этот субъект становится дьявольски несносен. Бакстер позволяет себе лишнее, много берет на себя, превращается в сухую язву. Он с удовольствием избавился бы от него. Но где найти замену? Вот в чем была беда. При всех своих недостатках Бакстер абсолютно компетентен. И тем не менее несколько секунд лорд Эмсуорт позволил себе помечтать о том, как он уволит своего секретаря. И столь велико было раздражение, что он, возможно, сделал бы какой-нибудь практический шаг в этом направлении, но тут дверь библиотеки открылась, пропуская еще одну незваную особу. При виде этой особы его сиятельство забыл свои воинственные намерения.

– А... доброе утро, Конни! – сказал он виновато, точно мальчишка, которого застигли в кладовой с банкой варенья в руках. Почему-то сестра неизменно оказывала на него вот такое воздействие.

Из всех, кто заходил в библиотеку в течение этого утра, новоприбывшая смотрелась наиболее привлекательно на самый строгий взгляд. Лорд Эмсуорт был высок, сухопар, костляв; Руперт Бакстер был плотного сложения, а к тому же его физиономию несколько портила детская припухлость, которую нередко сохраняют смуглые молодые люди со скверным цветом кожи; и даже Бич, при всем его благообразии, и Фредди, при всей его худощавости и стройности, на конкурсе красоты высокого места не заняли бы. Но леди Констанция Кибл и правда приковывала к себе все взоры. Это была величественная красавица сорока с лишним лет. Ее отличали прекрасный широкий лоб, белоснежные ровные зубы и осанка императрицы. Глаза – большие, серые, кроткие, что, кстати, вводило в заблуждение, ибо никто из близко знавших леди Констанцию не применил бы к ней эпитет «кроткая». Хотя она была достаточно мила, пока ей ни в чем не перечили, в тех редчайших случаях, когда кто-то решался чинить ей помехи, она тут же уподоблялась Клеопатре, вставшей утром с левой ноги.

– Надеюсь, я не помешала, – сказала леди Констанция, сияя улыбкой. – Я заглянула просто напомнить тебе, Кларенс, что днем ты едешь в Лондон встретить мистера Мактодда.

– Я только что сказал лорду Эмсуорту, – сообщил Бакстер, – что автомобиль подадут в два.

– Благодарю вас, мистер Бакстер. Разумеется, я могла бы догадаться, что вы не забудете. Вы удивительно предусмотрительны. Право, не знаю, что бы мы без вас делали.

Компетентный Бакстер поклонился. Но, хотя самолюбие его было удовлетворено, похвала эта особого восторга у него не вызвала: та же мысль нередко приходила ему в голову вполне независимо.

– Если вы меня извините, – сказал он, – мне надо кое-чем заняться.

– Ну разумеется, мистер Бакстер.

Компетентный удалился сквозь дверь в шкаф. Он знал, что его патрон бунтует, но знал также, что оставляет его в надежных руках.

Лорд Эмсуорт отвернулся от окна, в которое смотрел с жалобной надеждой.

– Послушай, Конни, – сказал он ворчливо, но робко, – ты же знаешь, я литературных гениев не перевариваю. Хватит того, что они заполонили весь дом, но еще и в Лондон за ними ездить...

Он угрюмо переступил с ноги на ногу. Манера его сестры коллекционировать литературные знаменитости и набивать ими дом на неопределенный срок крайне ему досаждала. Невозможно было предвидеть, когда она натравит на тебя еще одну. С начала года на него через короткие интервалы уже обрушилась добрая дюжина представителей указанного зоологического вида, и в эти самые дни жизнь ему отравлял тот факт, что под кровом Блэндингса пре-

бывала некая мисс Эйлин Пиви, при одной мысли о которой солнечный свет вдруг исчезал, словно повернули выключатель.

– Не выношу я литераторов, – продолжал его сиятельство. – И всегда не выносил. А литераторши еще хуже. Мисс Пиви... – Тут на миг владелец Блэндингса лишился языка. – Мисс Пиви... – продолжал он после красноречивой паузы. – Кто такая мисс Пиви?

– Мой милый Кларенс, – снисходительно ответила Констанция, ибо чудесное утро смягчило и обезоружило ее, – если ты не знаешь, что Эйлин – одна из ведущих поэтесс младшего поколения, ты просто глубокий невежда.

– Я не об этом. Я знаю, что она пишет стишки. Я спрашиваю, кто она такая? Ты вдруг предъявила ее, точно кролика из цилиндра, – сказал лорд Эмсуорт с возмущением. – Где ты ее нашла?

– Я познакомилась с Эйлин на трансатлантическом лайнере, когда мы с Джо возвращались из кругосветного путешествия. Она была очень внимательна ко мне, пока движение судна несколько на мне сказывалось... А если ты имеешь в виду ее происхождение, так она однажды упомянула о своем родстве с рэтлендширскими Пиви.

– В первый раз о них слышу, – огрызнулся лорд Эмсуорт. – А если они хоть чуть-чуть похожи на мисс Пиви, да смилуется Господь над Рэтлендширом.

Как ни безмятежно было настроение леди Констанции, но при этих словах ее серые глаза угрожающе оледенели, и, вне сомнений, мгновение спустя она обрушила бы на мятежного брата один из тех громовых ответов, которыми славилась в семье еще с пеленок, но тут из книжного шкафа вновь возник Компетентный Бакстер.

– Прошу прощения, – сказал Бакстер, обеспечивая себе внимание блеском очков. – Я забыл упомянуть, лорд Эмсуорт. Для общего удобства я договорился, чтобы мисс Халлидей явилась к вам в клуб завтра днем.

– Боже великий! – Затравленный пэр подпрыгнул, словно его укусили за ногу. – Бакстер, кто такая мисс Халлидей? Еще одна литераторша?

– Мисс Халлидей – та молодая дама, которая приедет в Блэндингс, чтобы провести каталогизацию библиотеки.

– Каталогизацию библиотеки? А зачем ее каталогизировать?

– Этого не делали с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года.

– Ну, и посмотрите, как мы великолепно без этого обходимся, – логично указал лорд Эмсуорт.

– Не будь смешон, Кларенс, – с досадой бросила леди Констанция. – Каталоги таких больших библиотек необходимо постоянно дополнять. – Она направилась к двери. – Право, пора тебе проснуться и заняться делом. Если бы не мистер Бакстер, я просто не представляю, что могло бы произойти!

И, одарив своего союзника одобрительным взглядом, она покинула библиотеку. Бакстер с холодной строгостью вернулся к теме:

– Я написал мисс Халлидей, что два тридцать – время для вас наиболее удобное.

– Но послушайте...

– Вы, разумеется, захотите составить о ней мнение, прежде чем подтвердите приглашение.

– Да, но послушайте! Я не хочу, чтобы вы связывали меня всеми этими свиданиями.

– Я подумал, поскольку вы едете в Лондон встретить мистера Мактодда...

– Но я не еду в Лондон встречать мистера Мактодда! – вскричал лорд Эмсуорт чуть ли не в ярости. – Об этом речи быть не может! Я не могу сейчас уехать из Блэндингса. Погода вот-вот испортится. И я не хочу терять ни одного солнечного дня...

– Все уже устроено.

– Пошлите этому субъекту телеграмму: «Задержан неотложным делом».

– Взять на себя подобную ответственность я не могу, – сказал Бакстер холодно. – Но если вы обратитесь к леди Констанции...

– Ну хорошо, – горько сказал лорд Эмсуорт, сразу осознав, как неисполним этот план, – ну, пусть! Если я должен ехать, то должен ехать, – добавил он после угрюмой паузы. – Но бросить сад и поджариваться в Лондоне в это время года...

Тема явно истощилась. Он снял пенсне, протер его, снова водрузил на нос и зашаркал к двери. В конце-то концов, решил он, хоть автомобиль и подадут в два, все-таки у него в распоряжении все утро и надо использовать его сполна. Однако недавняя беззаботная радость от предвкушения того, как он будет шебаршиться среди своих цветов, потускнела невозвратно. Естественно, безумная мысль бросить вызов его сестре Констанции ему даже в голову не пришла, но в нем нарастало ожесточение. Будь проклята Констанция!.. К черту Бакстера!.. Мисс Пиви...

Дверь затворилась за лордом Эмсуортом.

II

Меж тем леди Констанция прошествовала вниз и вступила в величественный вестибюль, но тут приоткрылась дверь курительной и оттуда высунулась голова, круглая седая голова с приложенным к ней румяным лицом.

– Конни! – сказала голова.

– Да, Джо? – Леди Констанция остановилась.

– Зайди сюда на минутку, – сказала голова. – Мне нужно с тобой поговорить.

Леди Констанция вошла в курительную, просторную, уютно обставленную книжными шкафами комнату с окнами, выходившими в итальянский сад. Широкий камин почти целиком занимал одну из стен, и перед ним, поворачивая расставленные ляжки перед невидимым пламенем, уже стоял мистер Джозеф Кибл. Держался он небрежно, но проницательный наблюдатель подметил бы в нем тайную робость.

– В чем дело, Джо? – осведомилась леди Констанция и ласково улыбнулась мужу. Когда за два года до описываемых событий она сочеталась браком с пожилым вдовцом, о котором было известно только, что он нажил большое состояние на южноафриканских алмазных копиях, нашлось немало циников, объявивших этот брак чистой сделкой: мистер Кибл обменивал свои деньги на положение леди Констанции в свете. Ничего подобного! Это был брак по взаимной симпатии. Мистер Кибл обожал жену, а она преданно его любила, хотя, разумеется, никогда глупо ему не потакала.

Мистер Кибл откашлялся. Что-то мешало ему заговорить. А когда он все-таки заговорил, то вовсе не о том, о чем намеревался, но почему-то о том, что они уже давно и исчерпывающе обсудили.

– Конни, я опять думал о твоём колье.

– Ах, глупости, Джо! Неужели ты позвал меня в такое чудесное утро в эту душную комнату, чтобы в сотый раз повторять одно и то же?

– Но для чего напрасно рисковать?

– Это вздор. Какой тут может быть риск?

– Два-три дня назад ограбили Уинстон-корт, а до него отсюда всего десять миль.

– Джо, не будь смешным.

– Это колье стоит почти двадцать тысяч фунтов, – произнес мистер Кибл благоговейным тоном, каким дельцы на покое говорят о крупных суммах.

– Я знаю.

– И место ему в банковском сейфе.

– Раз и навсегда, Джо, – сказала леди Констанция, теряя мягкость и внезапно оклеопатриваясь. – Нет, я не буду хранить кольцо в банке. Какой смысл иметь красивое кольцо, если оно все время лежит в банковском сейфе? На днях будет бал графства, а затем бал холостяков, а... Короче говоря, оно мне нужно. Я отошлю его в банк, когда мы остановимся в Лондоне проездом в Шотландию. Но не раньше. И будь добр больше мне этим не надоедать.

Наступило молчание. Мистер Кибл раскаивался, что злополучная трусость помешала ему сразу же с мужественным прямотушием заговорить о том, что на самом деле его удручало: от него не укрылось, что беседа о колье, как ни разумны были его доводы, заметно испортила солнечное настроение супруги. Значит, перейти к главному теперь будет еще труднее, ибо вопрос был финансовый, а в финансовых делах мистер Кибл утратил былую самостоятельность. Они с леди Констанцией открыли общий банковский счет, и за тратами наблюдала она. Мистер Кибл давно сожалел о своем опрометчивом шаге, но идея пришла ему в первые дни медового месяца, когда мужчины склонны делать большие глупости.

Мистер Кибл кашлянул. Это был не тот резкий компетентный кашель, который мы слышали из уст Руперта Бакстера в библиотеке, но слабый, придушенный, как блеяние пугливого ягненка.

– Конни, – сказал мистер Кибл, – э... Конни...

При этих звуках глаза леди Констанции заволокла холодная пленка: какое-то шестое чувство подсказало ей, о чем пойдет речь.

– Конни, я... э... получил сегодня письмо от Филлис.

Леди Констанция промолчала. Глаза ее блеснули, но тут же вновь оледенели. Интуиция ее не обманула.

До сих пор лишь одна тень омрачила семейную жизнь счастливой пары. Но к несчастью, тень эта была значительных размеров, эдакая супертень, и от нее веяло полярным холодом. Причиной была Филлис, падчерица мистера Кибла, – она создала эту тень самым простым способом: сбежала от богатого и во всех отношениях желательного жениха, которым ее благодетельствовала леди Констанция (примерно так же, как фокусник навязывает карту упирающейся жертве), и вышла замуж за небогатого и во всех отношениях нежелательного субъекта, о котором было извещено только, что его фамилия Джексон. Мистер Кибл, свято веровавший, что Филлис всегда права, готов был философски смириться со случившимся, но гнев его жены умиротворению не поддавался. Настолько, что даже упоминание этого имени при леди Констанции было немалым подвигом, ибо она специально подчеркнула, что больше не желает его слышать.

Остро ощущая это ее предубеждение, мистер Кибл, сообщив про письмо, умолк и начал побрякивать ключами в кармане, чтобы собраться с духом и продолжать. На жену он не смотрел, но знал, как грозно ее лицо. Да, он взял на себя задачу нелегкую и менее всего подходящую для чудного летнего утра.

– Она пишет, – выдавил из себя мистер Кибл, глядя на ковер и обретая все более пунцовый румянец, – что у Джексона есть возможность купить большую ферму... в Линкольншире, если не ошибаюсь... если он сумеет собрать три тысячи фунтов.

Он умолк и покосился на жену. Его худшие страхи оправдались. Она оледенела. Фамилия Джексон точно могучее заклинание превратила ее в мраморную статую. Точь-в-точь как у Пигмалиона было с Галатеей, только наоборот. Не исключено, что она дышала, но заметить это было невозможно.

– Вот я и подумал, – сказал мистер Кибл, аккомпанируя себе ключами. – Мне, знаешь ли, пришлось в голову... Это же не биржевая спекуляция... Видимо, настоящее золотое дно... Владелец продает только потому, что хочет поселиться за границей... И мне представилось... а они будут выплачивать проценты за взятую сумму...

– Какую сумму? – осведомилась, оживая, статуя ледяным тоном.

– Ну... я вот думал... Просто идея, ты понимаешь... Но мне представляется, если бы ты согласилась, мы могли бы... Прекрасное помещение капитала, знаешь ли, а в нынешние времена это не так-то просто... Вот я и подумал, что мы могли бы одолжить им эти деньги.

Он умолк. Но все равно слово было сказано, и ему стало легче. Он снова побрякал ключами и потерялся затылком о каминную полку. Это почему-то почти восстановило в нем уверенность в себе.

– Нам лучше покончить с этим раз и навсегда, Джо, – сказала леди Констанция. – Как тебе известно, когда мы поженились, я была готова сделать для Филлис все! Я намеревалась заменить ей мать. Открыла перед ней великолепные возможности, вывозила ее всюду. И что произошло?

– Я знаю, но...

– Она была помолвлена с богатым молодым человеком...

– Осел, каких мало, – вставил мистер Кибл, подбодренный воспоминанием о несостоявшемся зяте, который ему никогда не нравился. – И к тому же беспутный болван. Я кое-что слышал.

– Вздор! Если ты намерен верить всем сплетням, какие услышишь, никому пощады не будет. Очаровательнейший молодой человек, и он составил бы счастье Филлис. Но вместо того чтобы выйти за него, она бежит с этим... с Джексоном. – Голос леди Констанции завибрировал. Никто не сумел бы втиснуть больше брезгливости в три коротенькие слога. – После этого я твердо решила ничего общего с ней больше не иметь. Я не одолжу им ни пенса, а потому прекратим эту дискуссию. Надеюсь, я женщина справедливая, но должна сказать, что после того, как Филлис показала себя такой...

Внезапно распахнувшаяся дверь заставила ее умолкнуть. В комнату прошебаршил лорд Эмсуорт, весь в сырой земле, облаченный в непристойную старую куртку. Он благодушно прищурился на сестру и зятя, но, видимо, не заметил, что прервал их разговор.

– «Садоводство как искусство», – бормотал он. – Конни, ты не видела «Садоводство как искусство»? Вчера вечером я читал его здесь. «Садоводство как искусство». Это заглавие книги. Так куда же она могла деваться? – Его туманный взор перескакивал с предмета на предмет. – Я хочу показать ее Макаллистеру! Там есть абзац, прямо опровергающий его анархистские взгляды на...

– Возможно, она где-нибудь на полке, – перебила леди Констанция.

– На полке? – повторил лорд Эмсуорт, явно ошеломленный столь блестящей мыслью. – Ну конечно, конечно же!

Мистер Кибл угрюмо побрякивал ключами. На его румянном лице было мятежное выражение. Мятежный дух овладевал им редко – он ведь любил жену с собачьей преданностью и привык во всем ей подчиняться, но сейчас он взбунтовался. Она не права, решил он. Ей следовало бы понять, как ему дорога бедняжка Филлис. Дьявольское бессердечие – бросить бедную девочку, как стоп-таный башмак, только потому...

– Ты уходишь? – спросил он, заметив, что его жена направляется к двери.

– Да. Я иду в сад, – сказала леди Констанция. – А что? Тебе еще о чем-нибудь надо со мной поговорить?

– Нет, – уныло вздохнул мистер Кибл. – Нет.

Леди Констанция вышла, и курительную окутало суровое мужское молчание. Мистер Кибл задумчиво терся затылком о каминную полку, а лорд Эмсуорт рылся в книжных шкафах.

– Кларенс! – внезапно воскликнул мистер Кибл. Ему в голову пришла мысль. Вернее сказать, его посетило озарение.

– А? – рассеянно отозвался граф. Он нашел вожаденную книгу и сосредоточенно листал ее страницы.

– Кларенс, не могли бы вы?..

– Ангус Макаллистер, – горько констатировал лорд Эмсуорт, – упрямый тупоголовый сын Велиала! Автор этой книги прямо утверждает...

– Кларенс, не могли бы вы одолжить мне три тысячи фунтов под надежный залог и скрыть это от Конни?

Лорд Эмсуорт заморгал.

– Скрыть что-то от Конни? – Он оторвал взгляд от книги и со снисходительной жалостью посмотрел на строителя воздушных замков. – Дорогой мой, это невозможно.

– Но она не узнает. Я объясню вам, зачем мне нужны эти деньги...

– Деньги? – Взор лорда Эмсуорта вновь стал туманным, и он уткнулся в книгу. – Деньги? Деньги, дорогой мой? Деньги? Деньги? Какие деньги? Я сто раз говорил, – объявил лорд Эмсуорт, – что Ангус Макаллистер в вопросе о штокрозах абсолютно не прав. Я сто раз говорил...

– Разрешите, я объясню. Эти три тысячи фунтов...

– Дорогой мой, нет! Нет, решительно нет! Так похоже на вас, – продолжал его сиятельство с рассеянной теплотой, – так похоже на вас, на вашу доброту и щедрость, сделать мне это предложение, но у меня достаточно своих. Более чем достаточно, но все равно благодарю вас. Мне три тысячи фунтов не нужны.

– Вы не поняли. Я...

– Нет. Нет и нет. Но все равно я вам весьма обязан. Очень любезно с вашей стороны, дорогой мой, предоставить мне такую возможность. Очень любезно. Очень, очень, очень любезно, – продолжал его сиятельство, бредя к двери и читая на ходу: – О, очень, очень, очень... – Дверь за ним закрылась.

– Черт! – сказал мистер Кибл.

Он уныло рухнул в кресло. Ему придется написать Филлис. Бедняжке Филлис... Придется объяснить, что ее просьба невыполнима. А почему, угрюмо подумал мистер Кибл, выбираваясь из кресла и направляясь к бюро, а почему невыполнима? Только потому, что он бесхребетный слизняк и боится пары серых глаз, имеющих обыкновение леденеть?

«Милая Филлис», – написал он. И остановился. Какие слова подобрать? Как объяснить? Мистер Кибл сжал голову в ладонях и застонал.

– Эгей! Дядя Джо!

Мастер эпистолярного жанра резко обернулся и увидел – без малейшего удовольствия – своего племянника Фредерика. Мистер Кибл посмотрел на него с раздражением, ибо не просто рассердился, но и испугался. Он не слышал, чтобы дверь открылась. Глянцеволосый молодой человек словно выскочил из люка.

– Я через окно, – объяснил высокородный Фредди, как будто читая его мысли. – Дядя Джо...

– Ну, в чем дело?

– Дядя Джо, – сказал Фредди, – вы мне не одолжите тысячу фунтов?

Мистер Кибл взвизгнул, как болонка, которой наступили на хвост.

III

Мистер Кибл, красноглазый, доведенный до предела, медленно восстал из кресла и начал надуваться в зловещем молчании, но тут его племянник умоляюще поднял ладонь. До высокородного Фредди мало-помалу доходило, что он, пожалуй, не подготовил дядю к своей просьбе с необходимой деликатностью и тактом.

– Секундочку! – проблеял он умоляюще. – Погодите, не лезьте на стену. Я сейчас все объясню.

Чувства мистера Кибла нашли выход в сардоническом кряхтенье.

– Объяснишь?

– Ну да. Просто я не с того конца начал. Нельзя было так, сразу. Дело в том, дядя Джо, что у меня есть план. Честное слово, если вы минутку подождете с апopleксией, – сказал Фредди, в некоторой тревоге рассматривая своего кипящего родственника, – я смогу вас выручить. Честное слово. Я просто подумал: если, по-вашему, план этот стоит тысячи, так вы ее, может быть, мне отстегнете? Я готов прямо все выложить и довериться вашей честности, если вы решите, что оно того стоит.

– Тысяча фунтов!

– Круглая, очень удобная сумма, – вкрадчиво намекнул Фредди.

– А зачем тебе, – спросил мистер Кибл, несколько оправившись, – нужна тысяча фунтов?

– Если на то пошло, так кому ж она не нужна? – возразил Фредди. – Но я готов открыть вам особую причину, почему она мне нужна как раз сегодня утром – поклянитесь только, что папаше – ни гугу.

– Если ты таким образом даешь мне понять, что не хочешь, чтобы я повторил твоему отцу сказанное тобой конфиденциально, уверяю тебя, мне ничего подобного и в голову бы не пришло.

Фредди растерянно заморгал. Быстротой соображения он не отличался.

– Я что-то не разберу, – признался он. – Так вы ему скажете или нет?

– Не скажу.

– Молодец, дядя Джо, – произнес Фредди с облегчением. – Свой человек! Я всегда говорил. Так слушайте: вы знаете, какая буча была из-за того, что я проиграл на скачках?

– Знаю.

– Между нами говоря, я спустил пять сотен. И хочу задать вам один простой вопрос. Почему я их спустил?

– Потому что ты молокосос и последний осел.

– Ну да, – согласился Фредди после некоторого раздумья. – Конечно, можно сформулировать и так. Но почему я был ослом?

– Боже ты мой! – не выдержал мистер Кибл. – Я же не специалист по психоанализу!

– Да в конечном счете проигрался я потому, что был не с той стороны забора. На лошадей только дураки ставят. А выигрывают одни букмекеры, и, если вы дадите мне тысячу, я стану букмекером. Мой приятель по Оксфорду работает у букмекера, и меня тоже возьмут, если я внесу тысячу фунтов. Но я должен им ответить побыстрее, не то они найдут другого. Вы понятия не имеете, какая из-за таких мест конкуренция.

Мистер Кибл, который все это время пытался вставить слово, наконец умудрился это сделать.

– И ты серьезно думаешь, что я... Но какой смысл тратить время на пустые разговоры? Мне неоткуда взять названную тобой сумму. А было бы, – тоскливо произнес мистер Кибл. – А было бы... – И взгляд его скользнул по письму на бюро, письму, которое начиналось словами «Милая Филлис» и на этом кончалось.

Фредди одарил его взглядом, полным сердечного сочувствия.

– Я же знаю, в каком вы положении, дядя Джо. И чертовски вас жалею. То есть тетя Констанция и все прочее.

– Что! – Как мистера Кибла по временам ни угнетало его финансовое положение, прежде он хотя бы находил утешение в мысли, что это тайна, известная только ему и его жене. – О чем ты говоришь?

– Ну, я знаю, что тетя Констанция присматривает за дублонами и проверяет, как они тратятся. И по-моему, стыд и позор, что она не желает помочь старушке Филлис. Девочке, – сказал Фредди, – которая мне всегда нравилась. Стыд и позор. Почему ей нельзя было выйти хоть за Джексона? Любовь же – все-таки любовь! – сказал Фредди, для которого это было большим местом.

Мистер Кибл как-то странно булькал.

– Наверное, мне следует объяснить, – сказал Фредди, – что я устроился спокойно покурить после завтрака прямо под этим окном и все слышал. Ну, как вы с тетей Констанцией выясняли отношения из-за старушки Филлис и как вы пробовали подоить папашу – ну все.

Мистер Кибл еще побулькал.

– Ты... Ты подслушивал! – выдавил он наконец.

– К вашему счастью! – объяснил Фредди тепло, ничуть не смущаясь взглядом, под которым любой благородный молодой человек тут же увял бы. – К большому вашему счастью, потому что у меня есть план!

Мистер Кибл ценил умственные способности своего юного родственника не слишком высоко, и будь его отчаяние не столь черным, весьма сомнительно, чтобы его заинтересовали частности плана, упоминания о котором блуждающим огоньком вспыхивали в репликах Фредди. Но он уже дошел до такого состояния, что в его измученном взоре против воли замерцал луч надежды.

– План? План, как мне выйти из моих... э... затруднений?

– Вот именно! Вам нужны наилучшие места, у нас они есть! Я вот о чем, – продолжал Фредди, поясняя свое загадочное утверждение. – Вам нужны три тысячи, и я вам скажу, как их добыть.

– Будь так любезен, – сказал мистер Кибл, открыл дверь, опасливо осмотрел коридор, закрыл дверь, прошел через комнату и закрыл окно.

– Душновато, конечно, но, может, вы и правы, – заметил Фредди, наблюдая эти маневры. – Так вот, дядя Джо, помните, что вы сказали тете Констанции про ее кольцо? Что какой-нибудь типчик подберется к нему и слямзит?

– Помню.

– Так чего вы ждете?

– О чем ты?

– О том, почему бы вам самому его не слямзить?

Мистер Кибл уставился на своего племянника с неприкрытым изумлением. Он ожидал любого идиотизма. Но все-таки не такого.

– Украсть кольцо моей жены!

– Во-во! Вы ловко соображаете. Слямзить кольцо тети Конни. Ведь, заметьте, – и, забыв о почтительности, обязательной для племянника, Фредди довольно больно ткнул мистера Кибла в грудь. – Ведь, заметьте, если муж слямзит что-нибудь у жены, это не кража. Таков закон. Я это знаю из кино. Видел в городе.

Высокородный Фредди был знатоком кинопродукции и с одного взгляда умел отличить супербоевик от суперсупербоевика. Того, чего он не знал о грешных женах и беспутных завсегдатаях клубов, не хватило бы и на один субтитр.

– Ты с ума сошел? – прохрипел мистер Кибл.

– Вам наложить на него лапу нетрудно. А тогда все будут счастливы. Вам надо будет только выписать чек, чтобы купить тете Конни другое такое же, – и она сразу зачирикает, а вам перо в шляпу, если понимаете, о чем я. И у вас останется первое кольцо, которое вы слямзили. Понимаете, о чем я? Продадите его втихаря и отошлете Филлис ее три тысячи, отстегнете мне мою тысячу, и вам еще останется кое-что симпатичное в заглазнике, а тетя Конни и знать ничего не будет. Чертовски полезная штука на черный день, – добавил Фредди.

– Ты?..

Мистер Кибл собрался уже повторить свой вопрос, но тут его осенило, что вопреки всем симптомам его племянник с ума не сходил. План, который он собирался презрительно высмеять, оказался таким блестящим и в то же время таким простым, что поверить, будто Фредди сам его придумал, было никак не возможно.

– Ну, не совсем я, – скромно признался Фредди. – Видел такую штуку в кино. Только там один тип хотел облапошить страховое общество и слямзил не кольцо, а ценные бумаги. Но принцип тот же. Ну, так как же, дядя Джо? Стоит это тысячи или нет?

Мистер Кибл, хотя он лично закрыл дверь и окно, подозрительно посмотрел по сторонам. Они говорили вполголоса, но теперь он перешел на практически неслышимый шепот.

– Ты думаешь, это осуществимо?

– Осуществимо? А кой черт может вам помешать? Раз, два – и готово. И вся прелесть в том, что, даже попадись вы, никто и слова не скажет: когда муж лямзит у жены, это не кража.

Утверждение, что в указанных обстоятельствах никто и слова не скажет, представилось мистеру Киблу настолько далеким от истины, что он не смог пропустить его мимо ушей.

– Твоя тетка скажет. И не одно, – горько заметил он.

– А? Понял, понял. Ну, такой риск, конечно, имеется. Только шансов, что она узнает, нет почти никаких.

– И все-таки она может узнать.

– Ну, если ставить вопрос так, то может.

– Фредди, мальчик мой, – расстроено сказал мистер Кибл. – У меня не хватит духу.

Образ тысячи фунтов, ускользающих из его рук, так подействовал на Фредди, что он выразился, как не положено выражаться в беседе со старшими:

– Ну, чего вы хвост поджали?

Мистер Кибл покачал головой.

– Нет, – повторил он. – Я боюсь.

Казалось, переговоры зашли в тупик, но Фредди, перед которым маячила тысяча фунтов, не мог допустить, чтобы столь многообещающий сюжет завершился столь пресно. И пока он негодовал на слабодушие дяди, ему было ниспослано озарение.

– Ей-богу! Знаете что! – вскричал он.

– Не так громко! – простонал перепуганный мистер Кибл. – Не так громко!

– Знаете что! – повторил Фредди сиплым шепотом. – Ну, а если я его слямзю?

– Как?!

– Ну, а что, если...

– Ты слямзишь? – Угасшая было надежда вновь озарила лицо мистера Кибла. – Мальчик мой, ты и правда?..

– За тысячу фунтов – в любой момент.

Мистер Кибл лихорадочно сжал руку своего юного родственника.

– Фредди, – сказал он, – в ту минуту, когда ты вручишь мне кольцо, я дам тебе не тысячу фунтов, а две тысячи.

– Дядя Джо, – столь же лихорадочно произнес Фредди, – замечано!

Мистер Кибл утер увлажнившийся лоб.

– По-твоему, ты сумеешь?

– Сумею? – Фредди засмеялся небрежным смехом. – Раз, два – и готово!

Мистер Кибл вновь сердечно стиснул его руку.

– Пойду подышу воздухом, – сказал он. – Я слишком переволновался. Но я могу положить на тебя, Фредди?

– Еще бы!

– Отлично. Так вечером я напишу Филлис, что, возможно, мне удастся исполнить ее просьбу.

– Только никаких «возможно», – бодро воскликнул Фредди, – просто «исполню». Только «исполню»! И никаких гвоздей!

IV

Радостное возбуждение – сильнейший стимулятор. Но, подобно другим стимулирующим средствам, оно имеет тот недостаток, что его действие чаще всего длится недолго. Расставшись с дядей, Фредди Трипвуд примерно десять минут пребывал в экстазе. Он сидел, развываясь, в кресле и ощущал себя могучим, энергичным, всепобеждающим. Затем мало-помалу в него, словно холодный сквозняк, начало пробираться сомнение – вначале еле заметное, оно все усиливалось, и через четверть часа он целиком разуверился в себе. Или, выражаясь не столь изящно, у него душа ушла в пятки и не желала вылезать обратно.

Чем больше он размышлял о деле, за которое взялся, тем менее заманчивым оно ему представлялось. Он не обладал богатой фантазией и все-таки с жуткой ясностью сумел нарисовать картину устрашающего скандала, которого не миновать, если он будет застигнут за похищением брильянтового кольца его тети Констанции. Простая порядочность запечатает его уста насчет роли дяди Джозефа. И даже если (как все-таки могло произойти) простая порядочность в критический момент его подведет, рассудок подсказывал ему, что дядя Джозеф незамедлительно отречется от своей причастности к столь опрометчивому поступку. И в каком он тогда окажется положении? Безвыходном. Ибо Фредди не мог скрыть от себя, что его прошлое вряд ли убедило его родных и близких, будто он не способен украсть драгоценности тетки или иной родственницы исключительно в личных целях. Если его застигнут, никакие оправдания во внимание приняты не будут.

Но ему было невыносимо горько при мысли, что он без сопротивления позволит двум тысячам ускользнуть из его когтей...

Молодой человек на распутье.

Душевные муки, в которые его ввергли эти размышления, вырвали Фредди из объятий уютного кресла, и он начал беспокойно бродить по комнате. Странствования эти привели его к довольно болезненному столкновению с длинным столом, на котором Бич, дворецкий, методичная душа, имел обыкновение аккуратно раскладывать газеты, еженедельники и журналы, так или иначе проникавшие в замок. Ушиб заставил Фредди очнуться, и, рассеянно ухватив первую попавшуюся газету – как оказалось, «Морнинг глоб», – он вернулся в кресло, чтобы успокоить нервы заметками о скачках. Хотя в настоящее время мир ипподромов был для него закрыт, прогнозы Капитана Шенкеля, Старшего конюха, Ясноглазки и других газетных знатоков все еще будили в нем меланхолический интерес. Он закурил и развернул газету.

Мгновение спустя, вместо того чтобы перейти к последней странице, посвященной новостям спорта, он, как замороженный, уставился на объявление посередине первой страницы. У него даже в горле пересохло.

Столь удачно расположенное объявление в это утро привлекло внимание многих читателей газеты. Оно было составлено так, чтобы привлекать внимание, и достигало своей цели. Но если другие читали его с легкой улыбкой, удивляясь, кому это взбрело в голову тратить деньги, чтобы помещать в газете такую чушь, на Фредди оно подействовало, как откровение. Его воспитанный на кинолентах ум воспринял это объявление по нарицательной стоимости.

Вот оно:

ПОЛОЖИТЕСЬ НА ПСМИТА!

Псмит вам поможет.

Псмит готов на все.

НУЖЕН ЛИ ВАМ КТО-ТО,

Чтобы вести ваши дела?

Чтобы управлять вашим предприятием?
Чтобы гулять с вашей собакой?
Чтобы убить вашу тетюшку?
ПСМИТ БЕРЕТ ЭТО НА СЕБЯ.
ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ ПОМЕХА.
В любой работе,
которую вы можете предложить
(при условии, что она не имеет отношения к рыбе),
ПОЛОЖИТЕСЬ НА ПСМИТА!
Предложения адресовать Р.Псмиту,
п/я 365.
ПОЛОЖИТЕСЬ НА ПСМИТА!

Фредди отложил газету и перевел дух. Потом снова взял ее и перечел объявление. Да, оно звучало многообещающе.

Более того: в нем было что-то от прямого отклика на молитву. Теперь Фредди совершенно ясно понял, как он нуждался в партнере, который разделит бы с ним опасности операции, за которую он так опрометчиво взялся. Ну, не столько разделит бы их, сколько принял все целиком на себя. И вот теперь в его распоряжении есть такой партнер. Дядя Джо отвалит ему две тысячи, если он удачно провернет дело. Тип, давший объявление, наверное, ухватится за пару сотен.

Две минуты спустя Фредди уже сидел за бюро и писал письмо. Время от времени он пугливо поглядывал через плечо на дверь. Но в доме царила тишина. Ничьи шаги не отвлекали его.

V

Фредди вышел в сад. И почти сразу же ветерок донес до него пронзительный голос, сетовавший на шотландское упрямство. Источник этого голоса мог быть только один, и Фредди ускорил шаги.

– Папаша!

– Что, Фредерик?

Фредди переступил с ноги на ногу.

– Папаша, нельзя мне сегодня поехать с вами в город, а?

– Что!

– Ну, мне надо к дантисту. Я у него сто лет не был.

– Не вижу, зачем тебе надо ехать для этого в Лондон. В Шрусбери есть превосходный дантист, а ты знаешь, что я решительно против твоих поездок в Лондон.

– Так мой же разбирается в моих кусалках. То есть я всегда хожу только к нему. И всякий, кто понимает в таких вещах, скажет вам, что шляться по разным дантистам – самое последнее дело.

Но внимание лорда Эмсуорта уже вновь обратилось на Макаллистера.

– Ну хорошо, хорошо, хорошо.

– Большое спасибо, папаша.

– Но одного я требую категорически, Фредерик. Я не могу допустить, чтобы ты болтался в Лондоне весь день. Ты должен вернуться поездом двенадцать пятьдесят.

– Будет сделано. Мне подходит, папаша.

– Ну, подумайте немножко, Макаллистер, – сказал граф. – Я ведь от вас только этого прошу: подумайте немножко...

2. Появляется Псмит

I

Примерно в тот час, когда поезд, уносивший лорда Эмсуорта в Лондон вместе с его сыном Фредди, достиг половины пути, очень высокий, очень худой, очень серьезный молодой человек, сверкая безупречным цилиндром и сюртуком элегантнейшего покроя, поднялся по ступенькам дома номер восемнадцать на Уоллингфорд-стрит в Западном Кенсингтоне и позвонил. Сделав это, он снял цилиндр, слегка провел по лбу шелковым платком, ибо солнце пекло довольно сильно, и поглядел вокруг с суровым неодобрением.

– Чешуйчатый район, – пробормотал он.

С этим суждением согласились бы все истинные ценители красоты. Когда разразится наконец великий мятеж против лондонского уродства и вопящие орды художников и архитекторов не в силах долее терпеть учинят самосуд и бешено промчатся по столице, круша и поджигая, Уоллингфорд-стрит (Западный Кенсингтон), уж конечно, не избежит огня. Несомненно, эта улица уже давно намечена для уничтожения. Ибо, обладая кое-какими низменными практическими удобствами – невысокой квартирной платой, близостью к автобусам и метро, – она остается мерзейшей улочкой. Расположенная в одном из тех районов, где Лондон прыщавится красными кирпичными домами, она состоит из двух рядов одноэтажных домов, похожих друг на друга как две капли воды, – каждый за облезлой живой изгородью, каждый с цветными стеклами наиболее гнусной разновидности во входных дверях. И порой можно видеть, как точно посередине, спотыкаясь, прикрывая глаза ладонью, бредут юные впечатлительные импрессионисты из колонии художников в Холланд-парке, и слышно, как они шепчут сквозь стиснутые зубы: «Доколе! Доколе!»

Маленькая служанка открыла дверь и окаменела: посетитель достал монокль и вставил его в глаз.

– Жаркий день, – сказал он любезно, оглядев ее.

– Да, сэр.

– Но приятный, – не отступал молодой человек. – Скажите мне, миссис Джексон дома?

– Нет, сэр.

– Ее нет дома?

– Да, сэр.

Молодой человек вздохнул.

– Ну что же, – сказал он, – мы не должны забывать, что подобные разочарования ниспосылаются нам ради какой-нибудь благой цели. Без сомнения, они возвышают нас духовно. Вы поставите ее в известность, что я заходил? Моя фамилия Псмит. Пе-смит.

– Песмит, сэр?

– Нет, нет. П-с-м-и-т. Мне следовало бы объяснить вам, что в жизнь я вступил без первой буквы, и мой отец всегда с упорным мужеством держался за просто Смита. Но мне казалось, что в мире слишком много Смитов, и некоторое разнообразие не повредит. «Смитти» я отверг как трусливую уловку, а нынешнего обычая с помощью дефиса присобачивать спереди еще какую-нибудь фамилию я не одобряю и потому решил взять Псмита. «Пе», должен сказать для вашего сведения, немое. Вы следите за ходом моих рассуждений?

– Д-да, сэр.

– Вы не считаете, – спросил он озабоченно, – что я напрасно избрал такой путь?

– Н-нет, сэр.

– Превосходно! – сказал молодой человек, сощелкивая пылинку с рукава. – Превосходно! Превосходно!

И с учтивым поклоном он спустился по ступенькам и пошел по улице. Маленькая служанка смотрела ему вслед выпученными глазами, пока он не скрылся из вида, а потом закрыла дверь и вернулась на кухню.

Псмит неторопливо шел вперед. Теплый ветерок нежил его лицо. Он что-то напевал и умолк, только когда молодой человек примерно одного с ним возраста чуть не налетел на него, обогнув угол.

– Извините, – сказал молодой человек. – А, Смит!

Псмит поглядел на него с дружеским расположением.

– Товарищ Джексон, – сказал он, – какая встреча! Единственный из встречаемых, кого я хотел бы повстречать. Свернем куда-нибудь, товарищ Джексон, если у тебя нет срочных дел, и восстановим силы чашкой чая. Я хотел было нагреть семейство Джексонов на эту чашку, но мне сообщили, что твоей жены нет дома.

Майк Джексон засмеялся.

– Филлис дома. Она...

– Дома? В таком случае, – сказал Псмит скорбно, – сегодня свершилось темное дело. Ибо мне не открыли двери. Не будет преувеличением сказать, что меня прогнали взащей. И это хваленое джексонское гостеприимство?

– Филлис устроила чай для своих школьных подруг, – объяснил Майк. – Она велела служанке говорить всем, что ее нет дома. Меня тоже туда не пускают.

– Достаточно, товарищ Джексон! – тепло сказал Псмит. – Если уж вас вышвырнули вон при всей любви, почитании и послушании, какие жена вам обещала перед алтарем, то кто я такой, чтобы жаловаться? И пожалуй, можно утешиться мыслью, что мы еще дешево отделались. Эти сборища школьных подруг не для сильных мужчин. Хотя мы и превосходное общество, товарищ Джексон, но, без сомнения, оказались бы лишними, и весьма. Беседа, полагаю, будет состоять исключительно из воспоминаний о милой школе, из историй о тайных оргиях с какао в дортуарах и о том, что сказала преподавательница хороших манер, когда Анджелу застигли в кустах с табачной жвачкой во рту. Да, полагаю, мы лишились не столь уж многого... И кстати, новое жилище меня не очень вдохновило. Правда, я видел его лишь снаружи, но... да, оно меня не очень вдохновило.

– Лучшее, что нам по карману.

– А кто я такой, – сказал Псмит, – чтобы попрекать друга моего детства бедностью? Особенно когда я сам стою на краю полной нищеты.

– Ты?

– Лично я. Заунывный вой, который ты слышишь, испускает волк нужды, примостившись у моего порога.

– Но я думал, твой дядя платит тебе приличное жалованье?

– Платил. Но наши с дядей пути расходятся. С этой минуты он, так сказать, пойдет верхней дорогой, а я пойду нижней. Сего-дня я у него обедаю и за орехами с вином сообщу ему печальную новость, что я намерен уйти из фирмы. Не сомневаюсь, он верил, что оказывает мне услугу, приобщая к своим рыбным делам, но даже краткое знакомство с ними убедило меня, что это не моя сфера. Шепот шуршит по клубам: «Псмит не нашел своей ниши!» Я, – продолжал Псмит, – человек разумный и понимаю, что человечество необходимо снабжать рыбой. Я и сам иногда не прочь съесть кусок рыбы. Но профессиональная деятельность в фирме, которая имеет дело с материалом в сыром виде, слишком далека от трудов, коим я хотел бы посвятить жизнь. Напомни при случае, чтобы я рассказал тебе, каково это – выбираться из постели в четыре утра и отправляться на Биллингсгейтский рынок работать в поте лица. Бесспорно, рыба

приносит деньги – дяде она принесла их бочки и бочки, но я чувствую, что для талантливого молодого человека в жизни должно быть что-то еще. И нынче я ставлю точку.

– А чем ты займешься?

– Это, товарищ Джексон, более или менее в руках богов. Завтра утром я думаю пройтись по бюро найма и выяснить, как котируются на рынке талантливые молодые люди. Не можешь ли порекомендовать какое-нибудь?

– Филлис всегда обращается в бюро мисс Кларксон на Шафт-сбери-авеню, но...

– Бюро мисс Кларксон на Шафтсбери-авеню. Окажу особое внимание... Да, кстати, ты видел сегодняшнюю «Морнинг глоб»?

– Нет. А что?

– Я поместил в ней объявление и в нем изъявил свое согласие... нет, свою готовность выполнить любое поручение или работу, не имеющие отношения к рыбе. Я уверен, что ответы пойдут косяками. Я предвкушаю, как буду провеивать эти груды, отбирая наиболее желательные предложения.

– Сейчас найти работу трудно, – с сомнением сказал Майк.

– Нет, если предлагаешь нечто сверхособое.

– Но что можешь предложить ты?

– Мои услуги, – ответил Псмит с легким упреком.

– В качестве?..

– Чего угодно. Никаких ограничений я не ставлю. Не хочешь ли прочесть мой манифест? У меня в кармане есть экземпляр. – И Псмит извлек из кармана своего безупречного жилета сложенный листок. – Буду рад выслушать твое мнение, товарищ Джексон. Я не раз говорил, что по части здравого смысла с тобой мало кто сравнится.

Объявление, которое за несколько часов до этого так ободрило высокородного Фредди Трипвуда в курительной замка Бландингс, на Майка, по натуре серьезного и уравновешенного, произвело несколько иное впечатление. Он прочел листок и продолжал молча смотреть на него.

– Изящно, ты согласен? – сказал Псмит. – Коротко и ясно? Еще бы, еще бы!

– Неужели ты действительно думаешь поместить эту чушь в газете? – спросил Майк.

– Уже поместил. Как я тебе сказал, оно напечатано в утреннем выпуске. И завтра в этот час я, без сомнения, начну сортировать первые предложения.

Майк невольно вспомнил жаргон школьных лет.

– Ну ты и осел!

Псмит водворил листок в карман жилета.

– Ты огорчаешь меня, товарищ Джексон, – сказал он. – Уж от тебя-то я ожидал более широкого взгляда на вещи. Собственно говоря, я ждал, что ты тут же помчишься в редакцию этого органа печати и поместишь в нем сходное объявление. Но никакие твои возражения не омрачат моего бодрого духа. Клич несется по Кенсингтону и его окрестностям: «Псмит двинулся!» В каком направлении – клич не уточняет, но эти сведения принесет будущее. А теперь, товарищ Джексон, просочимся вон в ту кондитерскую и поднимем за успех полную чашку чая. Я провел особенно тяжкое утро среди трески, и мне необходимо освежиться.

II

После того как Псмит удалил свою яркую личность с тротуаров Уоллингфорд-стрит, прошло минут двадцать, а затем ее унылость вновь была несколько скрашена. Улицу сковывала летаргия второй половины дня. Иногда из-за угла, погромыхая, появлялась тележка торговца, и время от времени под сенью вечнозеленых кустов куда-то целенаправленно пробирались кошки. Но без десяти пять по ступенькам номера восемнадцатого взбежала девушка и позвонила.

Это была девушка среднего роста, стройная, тоненькая, а светлые волосы, радостная улыбка и мальчишеская гибкость фигуры вносили свою лепту в общее впечатление бодрой веселости, которое подкреплялось тем, что, как все девушки в этом сезоне, черпающие идеи своих туалетов в Париже, одета она была в черное.

Снова дверь открыла маленькая служанка.

– Миссис Джексон дома? – спросила девушка. – Она меня ждет. Я мисс Халлидей.

– Да, мисс.

Дверь в глубине узкой прихожей открылась.

– Это ты, Ева?

– Фил, прелесть моя, здравствуй!

Филлис Джексон пролетела по прихожей, как гонимый ветром лепесток розы, и кинулась в объятия Евы. Она была миниатюрной, хрупкой, с огромными карими глазами под облаком темных волос. В выражении ее лица чудилась грусть, и почти у всех, кто с ней знакомился, возникало желание ее опекать. Ева опекала ее с первого дня их школьного знакомства.

– Я рано или опоздала? – спросила Ева.

– Ты первая, но мы ждать не будем. Джейн, принесите, пожалуйста, чай в гостиную.

– Хорошо, мэм.

– И помните, до вечера я никого видеть не хочу. Если кто-нибудь придет, скажите, что меня нет дома. Конечно, кроме мисс Кларксон и миссис Мактодд.

– Хорошо, мэм.

– А кто такая миссис Мактодд? – спросила Ева. – Неужели Синтия?

– Да. Разве ты не слышала, что она вышла за Ролстона Мактодда, канадского поэта? Ты ведь знала, что она уехала в Канаду?

– Это я знала. А вот что она вышла замуж, не слышала. Странно, как теряешь связь со своими лучшими подругами. Вот и с тобой мы не виделись почти два года.

– Я знаю. Ужасно, правда? Твой адрес мне на днях дала Эльза Уэнтворт, а тут Кларки сказала, что Синтия приехала в Лондон с мужем, ну, я и подумала, как будет чудесно нам всем встретиться. Мы ведь трое так дружили... Кларки ты, конечно, помнишь? Мисс Кларксон, которая преподавала у нас английскую литературу.

– Естественно, помню. А где ты с ней встретишься?

– Я с ней часто вижуся. У нее бюро по найму на Шафтсбери-авеню, и мне примерно раз в две недели приходится ходить туда нанимать новую прислугу. Джейн от нее.

– А муж Синтии тоже придет?

– Нет. Мне хотелось, чтобы мы посидели вчетвером. Ты его знаешь? Конечно же, нет. Он в Англии в первый раз.

– Я знаю его стихи. Он ведь настоящая знаменитость. Синтии повезло.

Тем временем они вошли в гостиную, жутковатую комнатушку, полную подушечек, восковых цветов и фарфоровых собачек, неотъемлемых от дешевых лондонских меблированных домов. Ева, хотя фасад номера восемнадцатого мог бы послужить ей предостережением, не сумела подавить дрожи, встретившись взглядом с самой мерзкой из собачек, которая таращила на нее глаза с каминной полки.

– Не гляди на них, – посоветовала Филлис. – Бери пример с меня. Мы только переехали, и я не успела навести порядок. Вот и чай. Спасибо, Джейн, поставьте поднос сюда. Тебе налить, Ева?

Ева села. Она недоумевала, и ее мучило любопытство. Ей вспомнилась Филлис в их школьные дни – до неприличия богатая. Тогда ведь был какой-то отчим-миллионер. Что с ним произошло, если он допускает, чтобы Филлис прозябала в такой обстановке? Ева заподозрила тайну и с обычной своей прямолинейностью взяла быка за рога.

– Расскажи мне о себе все-все, – сказала она, устроившись настолько удобно, насколько позволяла своеобразная форма ее кресла. – И помни, что я тебя не видела два года, а потому ничего не пропускай.

– Просто не знаю, с чего начать.

– Ты же подписала свое письмо «Филлис Джексон». Начни с таинственного Джексона. Откуда он взялся? Последнее, что я о тебе слышала, было объявление в «Морнинг пост» о твоей помолвке с... Фамилию я забыла, но убеждена, что на «Джексон» она даже похожа не была.

– С Ролло Маунтфордом.

– Да? Ну, так что случилось с Ролло? Ты словно бы его где-то потеряла. Расторгла помолвку?

– Ну-у, она сама собой расторглась. Понимаешь, я взяла и вышла за Майка.

– Сбежала с ним?

– Да.

– Боже великий!

– Мне очень стыдно, Ева, что я обошлась с Ролло так по-свински.

– Не огорчайся. Человек с подобной фамилией создан страдать.

– Он ведь даже мне не нравился. У него такие противные шарящие глазки...

– Понимаю. И ты сбежала со своим Майком. Расскажи мне про него. Кто он, что делает?

– Ну, сейчас он учит в школе. Но ему это не нравится. Он хочет снова вернуться в деревню. Когда я с ним познакомилась, он был управляющим поместья каких-то Смитов. Майк учился с их сыном в школе и в Кембридже. Тогда они были очень богаты. Они были соседями Эджлоу. Я гостила у Мэри Эджлоу... Она тоже с нами училась, ты ее помнишь? И познакомилась с Майком на танцах, а потом встретила его во время верховой прогулки, а потом... Потом мы начали встречаться каждый день. Мы влюбились друг в друга с первого взгляда, ну, и поженились. Ах, Ева, если бы ты видела наш домик! Везде плющ, выющиеся розы. У нас были лошади, и собаки, и...

Филлис всхлипнула. Ева поглядела на нее с сочувствием. Сама она всю жизнь жила в веселой бедности и никогда, казалось, не придавала этому значения. У нее была сильная воля, смелость, и она наслаждалась, преодолевая множество трудностей, чтобы свести концы с концами. Но Филлис принадлежала к тем милым фарфоровым девушкам, кого жизненные невзгоды разбивают, вместо того чтобы вдохновлять. Ей необходимы были комфорт и приятная обстановка. Ева мрачно поглядела на фарфоровую собачку, а та в ответ ухмыльнулась ей с невыносимой фамильярностью.

– Мы только-только поженились, – продолжала Филлис, смигивая слезы, – а тут бедный мистер Смит умер, и все кончилось. Он, наверное, спекулировал на бирже, потому что никаких денег не оставил, и поместье пришлось продать. А у тех, кто его купил – какие-то владельцы угольных шахт из Вулвергемптона, – есть племянник, и они поручили поместье ему, а Майку пришлось уйти. Вот мы и переехали сюда.

Ева наконец задала вопрос, который мучил ее с той минуты, как она переступила порог:

– Ну, а твой отчим? Когда мы учились в школе, у тебя имелся богатый отчим, верно? Или он тоже разорился?

– Нет.

– Так почему же он вам не помог?

– Он бы с радостью, я знаю, если бы это зависело от него одного. Все тетя Констанция.

– Что сделала тетя Констанция? И кто такая тетя Констанция?

– Я ее так называю. Точнее сказать – она моя мачеха... Ну, почти. На самом деле что-то вроде двоюродной мачехи. Мой отчим женился на ней два года назад. И когда я вышла замуж

за Майка, тетя Констанция ужасно рассердилась. Она хотела, чтобы я вышла за Ролло. Она сказала, что никогда меня не простит, и не позволяет отчиму помочь мне.

– Но какой же он слизняк! – сказала Ева с негодованием. – Почему он не настаит на своем? А ты мне еще говорила, что он тебя очень любит.

– Он вовсе не слизняк, Ева, а лапочка. Просто он у нее под каблуком. Видишь ли, она такая. Умеет быть очень милой, и они страшно привязаны друг к другу, но иногда она бывает твердокаменной... – Филлис умолкла. Входная дверь открылась, и в прихожей послышались шаги. – Это Кларки, и с ней, наверное, Синтия. Кларки обещала за ней заехать. Ева, не проговорись при ней о том, что я тебе сказала.

– Но почему?

– Кларки так по-матерински принимает все близко к сердцу. Очень мило с ее стороны, однако...

Ева поняла.

– Хорошо, поговорим потом.

Открылась дверь, и вошла мисс Кларксон.

Определение, которое Филлис применила к своей бывшей учительнице, было, бесспорно, удачным. Мисс Кларксон светилась материнством. Она была крупной, румяной и мягкой, и не успела дверь закрыться, как она уже кинулась к Еве, точно курица к цыпленку.

– Ева! Как я рада тебя видеть! Столько прошло времени. Милочка, ты чудесно выглядишь. И такой преуспевающей. И какая дивная шляпа!

– Я тебе позавидовала, едва ты вошла, Ева, – сказала Филлис. – Где ты ее купила?

– «Сестры Мадлен» на Риджент-стрит.

Мисс Кларксон, вооружившись чашкой с чаем и размешивая сахар, не упустила случая поморализировать. В школе Ева была ее любимицей, и она одарила ее нежной улыбкой.

– Ну разве я была не права – помнишь, Ева, сколько раз я повторяла тебе в милые прошлые дни: никогда не надо отчаиваться, каким бы черным ни казалось будущее. Я помню тебя в школе, милочка: бедна как церковная мышь, и никаких надежд на перемены, ну просто никаких! А посмотреть на тебя теперь... Весела, богата...

Ева засмеялась. Она встала и поцеловала мисс Кларксон, сожалея, что ей приходится разбивать иллюзии, но ничего другого не оставалось.

– Мне очень жаль, Кларки, милая, – сказала она, – но, боюсь, моя внешность вас обманула. Я все так же без гроша. Собственно говоря, когда Филлис сказала, что у вас теперь бюро по найму, я решила заглянуть к вам и узнать, нет ли у вас на примете какого-нибудь симпатичного места. Можно гувернанткой к ребенку с ангельским характером, или вдруг найдется душка-писатель, которому нужно, чтобы кто-нибудь отвечал на его письма и вклеивал в альбом рецензии на его книги.

– Деточка моя! – Мисс Кларксон была глубоко расстроена. – А я так обрадовалась. Эта шляпа!

– В шляпе вся беда. Конечно, мне не следовало даже думать о ней, но я увидела ее в витрине, несколько дней облизывалась и под конец сдалась. Ну а потом, естественно, пришлось одеться под нее. Купить туфли, платье в тон. Я устроила настоящую оргию, и теперь мне очень стыдно. Но как всегда, слишком поздно.

– Боже мой! Ты была сумасбродкой еще в школе. Помню, сколько раз мне приходилось выговаривать тебе за это.

– Ну, когда все было уже позади и я вновь обрела рассудок, выяснилось, что у меня осталось всего несколько фунтов и до прибытия спасательной экспедиции я не дотяну. Взвесив все обстоятельства, я решила вложить мой капитал целиком в одно предприятие.

– Но ты выбрала что-нибудь надежное?

– По всем признакам, да. На спортивной странице утверждалось, что это «Надежнейшая Ставка На Сегодня». Прыгучий Уилли в заезде два тридцать на скачках в Сандауне в прошлую среду.

– О Боже!

– Вот это я и сказала, когда бедняга Уилли пришел шестым. Но зачем расстраиваться, правда? Просто мне надо найти что-нибудь, чтобы дотянуть до сентября, когда я получу проценты за третий квартал... Но не будем говорить здесь о делах. Кларки, я забегу к вам завтра в бюро... А где Синтия? Ведь вы же должны были ее привезти?

– Да, Кларки, я думала, вы заедете за Синтией, – сказала Филлис.

Если финансовое положение Евы заставило мисс Кларксон скорбеть, то упоминание о Синтии погрузило ее в пучину горести. Губы у нее задрожали, по щеке сползла слеза. Ева и Филлис обменялись недоуменными взглядами.

– Послушайте, – сказала Ева после паузы, в течение которой тишину нарушило только приглушенное рыдание, вырвавшееся у их бывлой наставницы, – что-то мы не слишком веселы, если вспомнить, что собрались мы на радостную встречу старых друзей. С Синтией что-то не так?

Горесть мисс Кларксон была столь сильна, что Филлис в тревоге выбежала из комнаты в поисках единственного спасительного средства, которое пришло ей на ум, – флакона с нюхательной солью.

– Бедная, милая Синтия, – простонала мисс Кларксон.

– Да что же с ней такое? – спросила Ева. Она не была глуха к горю мисс Кларксон, но не смогла удержаться от легкой улыбки. На мгновение она перенеслась в школьные дни, когда умение ее собеседницы из самого неблагоприятного материала создавать трагедию неизменно ее забавляло. Она не сомневалась, что в самом худшем случае ее старая подруга лежит с простудой или подвернула ногу.

– Ты знаешь, она замужем, – сказала мисс Кларксон.

– Ну, ничего страшного, Кларки, я в этом не вижу. Еще несколько надежнейших ставок, и я сама, возможно, за кого-нибудь выскочу. За какого-нибудь доброго, богатого, терпеливого мужчину, который будет меня баловать.

– Ах, Ева, милочка, – проблеяла мисс Кларксон вне себя от ужаса, – пожалуйста, погляди внимательнее на того, за кого ты выходишь замуж. Всякий раз, когда я слышу, что кто-то из моих девочек вступает в брак, меня начинают мучить самые дурные предчувствия. Мне чудится, что она, сама того не зная, шагнула за край страшной пропасти.

– Но с ними вы этими предчувствиями не делитесь, правда? Не омрачаете свадебного торжества? Неужели Синтия шагнула за край страшной пропасти? А я только сейчас говорила Филлис, как завидую Синтии: выйти за такую знаменитость, как Ролстон Мактодд!

Мисс Кларксон всхлипнула.

– Это не человек, а демон, – сказала она с надрывом. – Я оставила Синтию в отеле «Кадоган» всю в слезах... У нее очень милый тихий номер на четвертом этаже, правда, ковер не гармонирует с обоями... Бедняжка в отчаянии. Я старалась утешить ее как могла, но бесполезно. Она всегда отличалась душевной тонкостью. Мне надо поскорей к ней вернуться. Я сюда приехала только потому, что не хотела разочаровать вас, моих милых девочек...

– Почему? – сказала Ева с мягкой настойчивостью. Она знала по опыту, что мисс Кларксон, если ее предоставить себе, будет без конца танцевать вокруг да около, так ничего толком и не говоря.

– Почему? – повторила мисс Кларксон, моргая так, будто это слово было гирей, внезапно свалившейся ей на ногу.

– Почему Синтия была вся в слезах?

– Но я же объясняю тебе, милочка. Негодяй ее бросил.

– Бросил!

– Они поссорились, и он ушел из отеля. Это было позавчера, но он так и не вернулся. А сегодня она получила от него коротенькую записку, что он не вернется никогда. Втайне самым непорядочным образом он устроил так, что его багаж из отеля доставили в бюро пересылок, а куда он его оттуда забрал, не знает никто. Он исчез бесследно.

Ева уставилась на нее в изумлении. К такой ошеломляющей новости она готова не была.

– Но из-за чего они поссорились?

– Синтия, бедная девочка, была так расстроена, что ничего не могла мне сказать.

Ева скрипнула зубами.

– Скотина!.. Бедная старушка Синтия... Не поехать ли мне с вами?

– Нет, милочка, лучше я одна за ней поухаживаю. Я попрошу ее написать тебе, когда она почувствует, что в силах с тобой увидеться. Филлис, милочка, мне пора, – объявила она, потому что в гостиную вернулась хозяйка дома с флакончиком в руке.

– Но вы ведь только-только пришли, – сказала Филлис.

– Муж бедной старушки Синтии бросил ее, – коротко объяснила Ева. – А Кларки возвращается ухаживать за ней. Ей как будто очень скверно.

– Ах нет!

– К несчастью, да. И я должна поспешить к ней, – сказала мисс Кларксон.

Ева ждала в гостиной, пока не хлопнула входная дверь и Филлис не вернулась к ней. Филлис еще более грустная, чем всегда. Она так предвкушала это чаепитие, а из него ничего хорошего не вышло. Некоторое время обе молчали.

– Какие скоты мужчины! – наконец сказала Ева.

– Майк, – с чувством произнесла Филлис, – просто ангел.

Ева обрадовалась этому косвенному приглашению вернуться к более приятной теме. Злополучной Синтии она сочувствовала всей душой, но терпеть не могла пустопорожних разговоров, а сидеть и вздыхать по поводу трагедии, о которой они практически ничего не знали, было бы верхом пустопорожности. У Филлис ведь собственная трагедия, и вот тут, думала Ева, в ее силах как-то помочь. Она предпочитала не говорить, а действовать и была рада взяться за животрепещущую проблему.

– Да, поговорим о тебе и о Майке, – предложила она. – Пока я ничего не понимаю. Кларки пришла, когда ты только начала объяснять, почему отчим не может тебе помочь. И мне показалось, что оправдываешь ты его совсем не убедительно. Объясни подробнее. И кстати, я забыла его фамилию.

– Кибл.

– А! Ну так, по-моему, надо написать ему и объяснить, в каком ты тяжелом положении. Возможно, он ничего не знает и думает, будто ты по-прежнему купаешься в роскоши. А как он узнает, если не от тебя? На твоём месте я прямо попросила бы его сделать что-нибудь. Ведь твой Майк не виноват, что вы оказались в таком положении. Он женился на тебе, потому что был хорошо устроен и мог твердо рассчитывать, что место останется за ним. А уволен был из-за стечения обстоятельств. Напиши отчиму, Фил. И не жалея красок!

– Я уже написала. Как раз сегодня. Майк получил чудесное предложение. Ферма в Линкольншире. Ну, ты понимаешь: коровы и все прочее. Как раз то, что ему по душе и что он умеет делать хорошо. И всего-то нам нужно три тысячи фунтов... Но, боюсь, ничего не получится.

– Из-за тети Констанции?

– Да.

– А ты сделай так, чтобы получилось! – Ева вздернула подбородок и стала воплощением богини Решимости. – На твоём месте я бы сидела перед их дверью, пока они не раскошелятся, лишь бы от меня избавиться. Чтобы в наши дни падчерицу выгоняли босой на мороз – глупость какая! Что такого, если ты вышла за того, кого любишь? На твоём месте я бы приковала себя

к решетке под их окнами и выла голодной собакой, пока они не повыскакивают с чековыми книжками, чтобы купить минуту тишины. Они живут в Лондоне?

– Сейчас они гостят в Шропшире в замке Бландингс.

Ева удивленно воззрилась на нее.

– В замке Бландингс? Да неужели!

– Тетя Констанция – сестра лорда Эмсуорта.

– Бывают же совпадения! На днях я уезжаю в Бландингс.

– Не может быть!

– Меня наняли привести в порядок каталог библиотеки.

– Ева, значит, ты в шутку попросила у Кларки подыскать тебе что-нибудь? А она приняла это всерьез.

– Нет, не в шутку. Бландингс имеет для меня некоторые минусы. Вероятно, ты хорошо знаешь замок?

– Я там часто гостила. Он очень красив.

– Следовательно, ты знакома со вторым сыном лорда Эмсуорта Фредди Трипвудом?

– Конечно.

– Он и есть минус. Ему приспичило жениться на мне, а я за него выходить не хочу. И вопрос стоит так: перевешивает ли приятная легкая работа, которая поможет мне спокойно продержаться до сентября, необходимость непрерывно подавлять бедного Фредди. Конечно, следовало бы сразу подумать об этом, когда он написал мне и посоветовал предложить мои услуги, но я так обрадовалась этой работе, что просто не сообразила. А потом меня начало грызть сомнение. Он до ужаса настойчивый юноша и предлагает руку и сердце с утра пораньше чуть ли не через день.

– А где ты познакомилась с Фредди?

– У общих знакомых после театра. Он тогда жил в Лондоне, но внезапно исчез, и я получила от него душераздирающее письмо: он наделал долгов, и отец насильно увез его в Бландингс, который Фредди, видимо, считает филиалом ада на земле. Мир просто кишит жестокосердыми родственниками.

– Лорд Эмсуорт вовсе не жестокосердый. Он тебе понравится. Такой рассеянный, всегда думает о чем-то своем и шебаршится в саду с утра до ночи. Вот тетя Констанция тебя вряд ли очарует. Но ведь ее ты видеть почти не будешь.

– А кого я буду видеть в больших количествах? Кроме Фредди, конечно.

– Наверное, мистера Бакстера, секретаря лорда Эмсуорта. Он мне совсем не нравится. Просто пещерный человек в очках.

– Звучит не слишком утешительно. Но замок, ты говоришь, красив?

– На редкость. Я бы на твоём месте не отказывалась, Ева.

– Я уже твердо решила, что не поеду. Но теперь, когда ты рассказала мне про мистера Кибла и тетю Констанцию, я передумала. Завтра мне придется забежать к Кларки и предупредить, что я устроилась и не стану ее затруднять. Милочка, я намерена взяться за твое приискорбное дело. Поеду в Бландингс и буду ходить за твоим отчимом по пятам... Ну, мне надо бежать. Проводи меня до дверей, не то я заблужусь в лабиринте анфилад и парадных коридоров... А перед уходом можно я кокну эту собачку? Так я и думала, но почему бы не спросить на всякий случай?

В прихожей их перехватила маленькая служанка.

– Я забыла сказать, мэм, что приходил джентльмен. Я ему сказала, что вас нет дома.

– И отлично, Джейн.

– Сказал, что его фамилия Смит, мэм.

Филлис огорченно вскрикнула:

– Ну, вот! Какая жалость. Мне так хотелось вас познакомить, Ева! Если бы я знала!

– Смит? – повторила Ева. – Как будто знакомая фамилия. Но почему тебе так хочется нас познакомить?

– Это лучший друг Майка. Майк его просто боготворит. Он сын мистера Смита... Ну, тот, я тебе говорила, с которым Майк учился в школе и в Кембридже. Ева, он просто чудо, и ты в него влюбишься. Абсолютно в твоём вкусе. Ужасно обидно, что так вышло. А теперь ты едешь в Блэдингс неизвестно на какое время и так его и не увидишь.

– Очень грустно, – сказала Ева вежливо, но без всякого интереса.

– Мне так его жалко!

– Почему?

– Он занимается рыбой.

– Брр!

– Просто изнывает, бедняжка. Но он тоже остался без гроша, и его взял в свою фирму дядя, рыбный король или почти.

– Но если ему так противно, почему он не ушел оттуда? – возмущенно спросила Ева. Беспомощные представители сильного пола крайне ее раздражали. – Не выношу мужчин, лишенных предприимчивости.

– В отсутствии предприимчивости его вряд ли упрекнешь. Уж скорее наоборот... Нет, когда ты вернешься в Лондон, тебе обязательно надо будет с ним познакомиться.

– Хорошо, – сказала Ева без малейшего интереса. – Как тебе угодно. И кстати, это может быть ему профессионально полезно: я люблю рыбу.

3. Еве одалживают зонтик

В Лондоне чужестранца, когда он попадает в сердце этого города, где находятся лучшие магазины, более всего поражает почти аскетическая суровость витрин, стремление избежать даже намек на вульгарное красочное изобилие. Например, на Дувр-стрит фасад коммерческого заведения господ Торпа и Бриско, торговцев углем, как правило, ничем не завораживал взгляд. Проходя мимо, мы, конечно, могли мельком скользнуть по нему взглядом, но безусловно не застыли бы на месте с разинутым от восхищения ртом, как в Сикстинской капелле или перед Тадж-Махалом. Однако в десять тридцать на следующий день после того, как Ева Халлидей выпила чаю у своей школьной подруги Филлис Джексон в Западном Кенсингтоне, Псмит, который с элегантно-небрежностью расположился в эркере курительной клуба «Трутней» прямо напротив заведения господ Торпа и Бриско, уставился на этот фасад и не отводил от него взгляда добрых пять минут. Можно без преувеличения сказать, что это зрелище его заворозжило. Казалось, он не мог оторвать от него глаз.

Для самых словно бы невероятных происшествий всегда есть логическое объяснение. У Торпа (или у Бриско) было обыкновение в летние месяцы оснащать свое заведение маркизой. Разумеется, неброской благородной маркизой, ничем не оскорбляющей взыскательный взор, но тем не менее маркизой, предлагающей надежное убежище от тех внезапных ливней, что придают такую пикантность английскому лету, – один из них как раз с большим усердием принялся обрызгивать лондонский Уэст-Энд. А под маркизой, жалобно поглядывая на дождевые струи, стояла Ева Халлидей, застигнутая непогодой на пути в бюро по найму Ады Кларк-сон. Вот она-то и завладела вниманием Псмита. По зрелому размышлению он пришел к выводу, что она улучшает фасад господ Торпа и Бриско примерно на девяносто пять процентов.

Хотя Псмит был благодарен судьбе, что ему есть чем любоваться из окна курительной, он испытывал и некоторое недоумение. Девушка эта представлялась ему воплощением богатства. При движении от южного полюса к северному она начиналась блеском лакированных туфелек. Бежевые чулки, явно очень дорогие, вели к платью из черного крепа. И в тот момент, когда, казалось, взгляд не мог уже ничего ожидать, его ошеломляла бесподобная шляпа из мягкого матового атласа, с которой на левое плечо ниспадало черное перо райской птицы. Даже на мужской взгляд, в таких вопросах заведомо не подкованный, это была та еще шляпа. И столь сногшибательно экипированную молодую женщину летний ливень загнал под маркизу господ Торпа и Бриско. В чем причина, спрашивал себя Псмит. Даже если, рассуждал он, у Чарлза, шофера, выходной или он повез ее миллионера-отца в Сити, она, несомненно, могла бы позволить себе роскошь взять такси. Мы, зная состояние финансов Евы, способны понять, почему она не раскатывала в такси, но Псмит откровенно недоумевал.

Однако, будучи и галантным, и находчивым, он осознал, что момент не подходит для абстрактных размышлений. Не ему рассуждать, что да как. Его долг категорически требовал, чтобы он оказал помощь попавшей в беду красавице. Покинув курительную и с небрежным достоинством спустившись в гардероб клуба, Псмит подверг придирчивому осмотру ряды зонтов в стойке. Удовлетворить его было не так-то просто. Те два, которые он взял в руку, чтобы исследовать более тщательно, были возвращены на место под укоризненное покачивание головы. Вполне пристойные зонты, но не отвечающие случаю. В конце концов он нашел идеал, и по его невозмутимому лицу скользнула улыбка. Вставив в глаз монокль, Псмит критически оглядел свою находку, но не обнаружил ни единого изъяна. Этим зонтом он остался доволен.

– Чей это зонт? – осведомился он у гардеробщика.

– Высокородного мистера Уолдервика, сэр.

– А! – снисходительно сказал Псмит.

Он сунул зонт под мышку и вышел.

Тем временем Ева Халлидей, все еще украшая собой аскетический фасад господ Торпа и Бриско, продолжала мысленно охаивать английский климат и всматриваться в небо – не проглянет ли где-нибудь клочок синевы. Она была поглощена этим безрадостным занятием, когда рядом с ней какой-то голос произнес:

– Прошу прощения!

Возле нее стоял молодой человек без шляпы, но с зонтом в руке. Весьма незаурядный молодой человек – очень высокий, очень худой и очень элегантно одетый. Больше он ничего не сказал, но вложил зонт в ее руку, услужливо его открыв, а затем с учтивым поклоном повернулся, гигантскими шагами пересек улицу и скрылся в подъезде угрюмого здания, которое, судя по числу мужчин, входивших в его двери и выходивших из них во время ее бдения под маркизой, она определила как клуб.

С тех пор как Ева поселилась в Лондоне, с ней порой случались вещи удивительные – но не до такой степени. Несколько минут она продолжала стоять на месте, глядя округлившимися глазами на здание напротив. Однако эпизод, казалось, был исчерпан. Молодой человек больше не появился. Он даже не показался в окне. Клуб поглотил его бесследно. В конце концов Ева решила, что в такую погоду от зонтов не отказываются, даже если они неведомо почему падают с неба. С растерянной улыбкой она вышла из-под маркизы и возобновила свой прерванный путь к мисс Кларксон.

Контора Международного бюро по найму Ады Кларксон («Быстрота – Вежливость – Интеллект») расположена в конце Шафтсбери-авеню, чуть дальше театра «Палас». Ева, закрыв зонт, который не позволил ни единой капле дождя угодить ей на шляпу, поднялась по ступенькам и постучала в окошко с табличкой «Справочная».

– Могу я видеть мисс Кларксон?

– Фамилия, пожалуйста? – быстро отозвалась Справочная с интеллектуальной вежливостью.

– Мисс Халлидей.

После небольшой интермедии с переговорной трубкой Справочная сказала голосом, к которому, кроме перечисленных качеств, прибавилось еще и уважение – она успела рассмотреть и переварить шляпу:

– Будьте добры, пройдите в кабинет.

Ева прошла через приемную, где, конечно же, стоял стол с журналами, и постучала во внутреннюю дверь.

– Ева, милочка! – воскликнула мисс Кларксон, едва она вошла. – Даже не знаю, как сказать тебе, но я просмотрела все мои книги, и ничего нет, ничего подходящего! Ни единого места, которое тебе подошло бы. Что делать, что делать!

– Ничего, Кларки.

– Но...

– Я пришла узнать про Синтию. Как она?

Мисс Кларксон вздохнула.

– Бедная девочка все еще в ужасном состоянии. И неудивительно! О муже никаких известий. Он ее бросил.

– Бедняжка! Можно ее повидать?

– Пока нет. Я уговорила ее съездить дня на два в Брайтон. Надеюсь, морской воздух ее подбодрит. Во всяком случае, это лучше, чем чахнуть в номере лондонского отеля. Она уезжает одиннадцатичасовым поездом. Я передала ей привет от тебя, и она была очень признательна, что ты не забыла вашей дружбы и сочувствуешь ее горю.

– Так я напишу ей. Где она остановится?

– Ее брайтонского адреса я не знаю, но, полагаю, можно написать на отель «Кадоган», оттуда перешлют. Думаю, милочка, она будет рада получить весточку от тебя.

Ева с грустью поглядела на благодарности в рамках, украшавшие стены. Она была не склонна поддаваться унынию, но день выдался на редкость скверным, и всех ее лучших друзей преследовали беды.

– Кларки! – сказала она. – Сколько в мире всяких несчастий!

– Да, да! – вздохнула мисс Кларксон, большая специалистка по несчастьям.

– Все лошади, на которых ставишь, приходят шестыми, а все девочки, с которыми дружишь, попадают в такое жуткое положение! Бедная Филлис! Разве вам ее не жалко?

– Но ведь муж любит ее преданно, не так ли?

– Да, но у них совсем нет денег, а вы помните, какой богатой она была в школе. Конечно, может показаться странным, что я жалею тех, у кого нет денег. Но почему-то чужое безденежье мне всегда кажется куда хуже моего. Особенно если это старушка Фил: она ведь совсем для этого не приспособлена. Я-то привыкла всю жизнь обходиться без денег. Мой бедный папочка словно бы постоянно спешил наперегонки со временем дописать статью, а в дверь скреблись кредиторы. – Ева засмеялась, но на ее глаза навернулись слезы. – Он же был прелесть, правда? Отдал меня в такую дорогую школу, как Уэйленд-хаус, хотя у самого часто денег даже на табак не хватало, у бедняжки. Наверное, он и плату в школу задерживал?

– Что же, милочка, я, конечно, была только учительницей и к финансовым делам никакого отношения не имела, но действительно иногда слышала...

– Бедный милый папочка! Знаете, одно из моих детских воспоминаний... Мне тогда было не больше десяти. В дверь звонят, а папа, как морской лев, ныряет под диван, высовывает наружу голову и закликает меня хриплым шепотом крепости не сдавать. Открываю дверь и вижу взбешенного мужчину с синим листом бумаги в руке. Я лепечу что-то так наивно и так мило, что он не только уходит совсем успокоившись, но еще гладит меня по головке и дарит мне пенни. А когда я заперла дверь, папа вылез из-под дивана и подарил мне двухпенсовик, так что всего получилось три пенса – недурная работа для одного утра. На них в лавочке дальше по улице я купила папе брильянтовое кольцо. То есть я думала, что оно брильянтовое, но, конечно, они могли меня и надуть – я же была так молода!

– У тебя была трудная жизнь, милочка.

– Да, но зато веселая! Я бы ни единой ее минуты ни на что не променяла. К тому же отнести меня к одной десятой части населения, живущей за чертой бедности, все-таки нельзя. Дядя Томас оставил мне сто пятьдесят фунтов годовых, и, к счастью, капитала я тронуть не могу. И если бы в мире не существовало шляп и надежных ставок, я бы как сыр в масле каталась... Но я не буду больше отнимать у вас время, Кларки, дорогая моя. Приемная, конечно, набита герцогами, которым требуются кухарки, и кухарками, которым требуются герцоги, – и все они ерзают и гадают, долго ли еще вы будете томить их ожиданием. До свидания, родная.

И, нежно чмокнув мисс Кларксон, а потом поправив шляпу, которую материнские объятия последней сдвинули несколько набекрень, Ева вышла и затворила за собой дверь.

4. Тягостная сцена в клубе «Трутней»

Тем временем в клубе «Трутней» разыгрывалась довольно тягостная сцена. Псмит, скрывшись от дождя в подъезде, направился в умывальную, где несколько секунд с интересом изучал свои черты в зеркале, а затем пригладил волосы и с великой тщательностью почистил костюм. После чего заглянул в гардероб за цилиндром. Когда он вошел туда, гардеробщик посмотрел на него с видом человека, которого точит страшное сомнение.

– Мистер Уолдервик сию минуту был здесь, сэр, – сообщил он.

– Ну и..? – осведомился Псмит с легким интересом. – Энергичная, деятельная душа, наш товарищ Уолдервик. Всегда он где-нибудь. То здесь, то там.

– Он про свой зонтик спрашивал, – добавил гардеробщик с некоторой холодностью.

– Неужели? Спрашивал про свой зонтик, э?

– И большой шум поднял, сэр, очень большой.

– И правильно сделал, – одобрительно сказал Псмит. – Настоящий мужчина любит свой зонтик.

– Так что мне пришлось объяснить, что зонтик взяли вы, сэр.

– Иного я и не пожелал бы, – сердечно поддержал его Псмит. – Дух полной откровенности – что может быть лучше? Между вами и товарищем Уолдервиком нет места недомолвкам и уклонениям от истины. Пусть все будет честно и без уверток.

– Он словно бы очень расстроился, сэр. И пошел вас искать.

– Я всегда рад случаю побеседовать с товарищем Уолдервиком, – сказал Псмит. – Всегда!

Он покинул гардероб и направился в вестибюль, где попросил швейцара найти ему такси. Когда такси остановилось перед подъездом, он спустился по ступенькам и уже открыл дверцу, как вдруг у него в тылу раздался хриплый вопль, и из дверей, весь розовый от возмущения, стремительно выкатился юноша и громко крикнул:

– Эй! Стой! Смит! Черт возьми!

Псмит забрался в такси и благожелательно посмотрел на новоприбывшего.

– Това-ариц Уолдервик! – сказал он. – Что нас гнетет?

– Где мой зонт? – спросил розовый. – Гардеробщик говорит, что вы взяли мой зонт. Шутки шутками, но это же чертовски хороший зонт.

– Бесспорно, бесспорно! – душевно согласился Псмит. – Возможно, вам будет небезынтересно узнать, что я выбрал его как единственно возможный из множества конкурентов. Боюсь, товарищ Уолдервик, в этот клуб проникла всякая шушера. Вы с вашей чистой возвышенной душой и представить себе не можете всю гнусность некоторых зонтов, которые мне пришлось проинспектировать в гардеробе.

– Где он?

– Гардероб? Когда войдете в парадную дверь, поверните налево и...

– Мой зонт, черт возьми! Где мой зонт?

– Тут, увы, – произнес Псмит с оттенком мужественного сожаления в голосе, – я вам ничем помочь не могу. Я отдал его одной молодой даме на улице. И где она в настоящий момент, я не знаю.

Розовый юноша слегка пошатнулся.

– Вы отдали мой зонт какой-то девчонке?

– Весьма неудачное определение. Вы не стали бы говорить о ней в столь небрежной манере, если бы видели ее. Товарищ Уолдервик, она изумительна! Я простой, прямой, грубый человек и, как правило, нежных эмоций не жалею, но откровенно признаюсь, что она затронула во мне струну, которая звучит редко. Она преисполнила восторгом мое старое потрепанное сердце, товарищ Уолдервик. Других слов нет. Преисполнила восторгом!

– Но, черт возьми!..

Псмит протянул длинную руку и отечески положил ладонь на плечо своего собеседника.

– Будьте мужественны, товарищ Уолдервик! – сказал он. – Посмотрите в лицо случившемуся как подобает мужчине! Мне грустно, что я послужил орудием лишения вас превосходного зонта, но, как вы не замедлите понять, иного выхода у меня не было. Лил дождь. Она стояла вон там, в отчаянии сжимаясь в комочек под маркизой этой лавочки. Ей необходимо было покинуть убежище, но влага ждала в засаде, чтобы погубить ее шляпу. Что оставалось мне? Что оставалось любому мужчине, достойному называться мужчиной, как не спуститься в гардероб, не слямзить лучший зонт из находящихся там и не отнести его ей? Ваш был неоспоримо лучшим. Другие не годились ему и в подметки. Я отдал ей ваш зонт, и она удалась, вновь обретя сча-стье. Это объяснение, – продолжал Псмит, – я убежден, заметно утишит вашу вполне понятную печаль. Вы лишились зонта, товарищ Уолдервик, но ради какого святого дела! Ради какого дела, товарищ Уолдервик! С этих пор вы сравнивались с сэром Филиппом Сиднеем, который, умирая на поле брани, отдал по-следний глоток воды из своей фляжки умирающему же солдату, и с сэром Уолтером Рэли. Последний, пожалуй, больше отвечает случаю как историческая параллель. Он разостлал на луже драгоценный плащ, дабы королева не промочила ног, а вы – через посредника – пожертвовали зонт, чтобы спасти шляпу девушки. Потомки будут гордиться вами, товарищ Уолдервик! Я буду весьма удивлен, если о вас не станут слагать песни и легенды. В грядущие века детишки будут лнуть к коленям деда, умолая: «Дедушка, расскажи нам, как великий Уолдервик потерял свой зонтик!» И он расскажет, и дети, выслушав, станут лучше, глубже, шире... Но, как вижу, шофер уже включил счетчик, и, боюсь, я вынужден прервать наш приятный разговор, который лично мне доставил огромное удовольствие. Поезжайте, – сказал он таксисту. – Мне нужно Международное бюро по найму Ады Кларксон на Шафтсбери-авеню.

Такси тронулось. Высокородный Хьюго Уолдервик, послав ему вслед страстный взгляд, почувствовал, что промок насквозь, и вернулся в клуб.

Прибыв по указанному адресу, Псмит расплатился, поднялся по ступенькам и деликатно постучал согнутым пальцем в матовое стекло Справочной.

– Дорогая мисс Кларксон, – начал он галантно, едва окошко отворилось, – не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени...

– Мисс Кларксон занята.

Псмит вдумчиво посмотрел на нее в монокль.

– Так вы не мисс Кларксон?

Справочная ответила, что нет.

– В таком случае, – сказал Псмит, – произошло недоразумение, и в нем, – добавил он тепло, – повинен я. Так, может быть, мне будет дано увидеть ее не в столь отдаленном будущем? Когда я понадобится, вы найдете меня в приемной.

Он вошел в приемную, взял со стола журнал и устроился поудобнее с повестью в «Рассказах для девочек» (январский номер за 1919 год), поскольку бюро по найму, как и дантисты, предпочитают литературу многолетней выдержки. Он углубился в чтение, но тут из кабинета вышла Ева.

5. Псмит ищет применения своим услугам

При ее появлении Псмит учтиво встал.

– Моя дорогая мисс Кларксон, – сказал он, – не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени...

– Боже мой! – сказала Ева. – Как странно!

– Поразительное совпадение, – согласился Псмит.

– Вы не дали мне времени поблагодарить вас за зонтик, – сказала Ева с упреком. – Наверное, вы сочли меня ужасно грубой. Но я так растерялась...

– Моя дорогая мисс Кларксон, прошу вас, не надо...

– Но почему вы меня так называете?

– Так вы тоже не мисс Кларксон?

– Конечно, нет.

– В таком случае, – объявил Псмит, – я буду вынужден начать мои поиски заново. Эти непрерывные осечки мучительны для пылкого духа. Быть может, вы – юная новобрачная и пришли нанять свою первую в жизни кухарку?

– Нет. Я не замужем.

– Отлично!

Еву такая ничем не прикрытая радость несколько смутила. Наступила пауза, и тут же в приемную деловито заглянула Справочная.

– Мисс Кларксон вас ждет, сэр.

– Оставьте нас, – произнес Псмит, величественно махнув рукой. – Нам благоугодно пребыть одним.

Справочная вытаращила глаза, но, усмиренная его властно-стью и общим великолепием вида, молча удалилась.

– Наверно, – сказала Ева, поворачивая в руке зонтик, – мне следует вернуть его вам. – Она поглядела на слезящееся окно. – Но ведь дождь еще не кончился...

– Льет как из ведра, – подтвердил Псмит.

– Так, может быть, вы позволите мне оставить его у себя до вечера?

– От всего сердца.

– Огромное спасибо. Вечером я его вам пришлю, если вы скажете мне свою фамилию и адрес.

Псмит отрицательно покачал головой.

– Нет, нет. Если он вам может пригодиться, надеюсь, вы будете видеть в нем подарок.

– Подарок!

– Преподношение, – объяснил Псмит.

– Но не могу же я принимать в подарок дорогие зонты! Куда мне его отослать?

– Ну, если вы настаиваете, то можете отослать его высокородному Хьюго Уолдервику в клуб «Трутней» на Дувр-стрит. Но право же, это лишнее!

– Я не забуду. И еще раз благодарю вас, мистер Уолдервик.

– Почему вы меня так называете?

– Но... вы же сказали...

– А-а! Понимаю! Некоторая путаница в понятиях. Нет, я не мистер Уолдервик. И, между нами говоря, очень этому рад. Интеллект у него ниже третьего разряда. Товарищ Уолдервик всего лишь тот, кому принадлежит этот зонтик.

Ева вытаращила глаза.

– Как? Вы дали мне чужой зонтик?

– К сожалению, свой я утром оставил дома.

– В жизни ничего подобного не слышала!

– Всего лишь социализм в действии. Другие удовлетворяются разговорами о перераспределении собственности. А я беру ее и перераспределяю.

– Но ведь он же страшно рассердится, когда увидит, что зонтика нет?

– Уже увидел. И его восторг был просто трогателен. Я объяснил ему обстоятельства, и он весьма обрадовался, что мог оказать вам услугу.

Дверь открылась, и на этот раз в приемную вошла мисс Кларк–сон собственной персоной. Объяснения Справочной по переговорной трубке были какими-то путанными и не удовлетворили ее, а потому она вышла выяснять сама, почему механизм ее бюро за–стопорился.

– Мне пора, – едва увидев ее, сказала Ева. – Я помешала.

– Очень хорошо, милочка, что ты еще здесь! – воскликнула мисс Кларксон. – Я еще раз просмотрела книги, и оказалось, что одно незанятое место есть. Няни, – пояснила мисс Кларксон чуть виноватым тоном.

– Нет, нет, ничего не нужно, – сказала Ева. – Но все равно спасибо.

Она дружески улыбнулась владелице бюро, одарила Псмита, когда он открыл перед ней дверь, другой улыбкой и ушла. Псмит задумчиво отошел от двери.

– Эта молодая дама – няня? – осведомился он.

– Вам требуется няня? – спросила мисс Кларксон, тотчас преображаясь в деловую женщину.

– Мне требуется эта няня, – категорически ответил Псмит.

– Она чудесная девушка, – горячо сказала мисс Кларксон. – Никого я бы с такой уверенностью не рекомендовала, как ее. Она – мисс Халлидей, дочь очень талантливого, но своеобразного писателя, который скончался несколько лет назад. Я могу тем более ручаться за мисс Халлидей, что долгие годы была наставницей в Уэйленд-хаусе, где она училась. Это прелестная, добрая, порывистая девушка... Но вряд ли вам все это интересно.

– Напротив, – сообщил Псмит. – Готов слушать часами. Вы случайно попали на мою любимую тему.

Мисс Кларксон посмотрела на него с некоторым сомнением и решила сменить любимую тему своего посетителя на деловую.

– Быть может, сказав, что вам требуется няня, вы подразумевали больничную сиделку?

– Мои друзья иногда высказывали такое предположение.

– Мисс Халлидей, разумеется, имеет больше опыта как гувернантка...

– Гувернантка тоже в самый раз, – сказал Псмит.

У мисс Кларксон возникло ощущение, что она чего-то не понимает.

– Сколько лет вашим детям, сэр? – осведомилась она.

– Боюсь, – сказал Псмит, – вы заглядываете в конец второго тома. А этот роман едва начался.

– Извините, – произнесла мисс Кларксон уже в полном тумане. – Мне не совсем ясно. Что, собственно, вам требуется?

Псмит стряхнул пушинку с рукава.

– Место, – сказал он.

– Место! – повторила мисс Кларксон, и ее голос сорвался на писк.

Псмит поднял брови.

– Вы словно бы удивлены? Но разве это не ярмарка мест?

– Да, это бюро по найму, – вынуждена была признаться мисс Кларксон.

– Я знал это! Знал! – сказал Псмит. – Что-то словно открыло мне тайну. Возможно, вывеска «Бюро по найму» над дверью. А эти благодарности в рамках убедили бы и заядлого скептика. Да, мисс Кларксон, мне требуется место, и почему-то я чувствую, что вы – та женщина, которая найдет мне его. Я поместил в газетах объявление, выражая готовность взяться

за любую работу, но с тех пор у меня возникли некоторые сомнения. Насколько это такой уж верный путь к богатству и славе. В любом случае имеет смысл атаковать необъятный мир и с другой стороны, а потому я пришел к вам.

– Извините меня, но, право же, мне это кажется крайне странным!

– Но почему? Я молод, полон сил и не имею никаких средств к существованию.

– Но ваш... э... ваш костюм...

Псмит не без самодовольства скосил глаза на безупречно сидящий жилет и стряхнул с рукава пылинку.

– Вы считаете, что я одет элегантно? – сказал он. – Вы находите меня щеголеватым? Но подумайте, мисс Кларксон! Тот, кто хочет найти место в условиях нынешней ожесточенной конкуренции, должен быть одет аккуратно и прилично. Наниматели косо смотрят на мешковатые брюки. Модный жилет для них значит больше честного сердца. Эта безупречная складка была сотворена при помощи матраса, на котором я лихорадочно метался всю ночь у себя на чердаке.

– Нет, я не могу вам поверить.

– Умоляю, не говорите так!

– Вы действительно хотите, чтобы я нашла вам работу?

– Я предпочитаю термин «место».

Мисс Кларксон достала блокнот.

– Если вы не в шутку...

– Уверяю вас, я совершенно серьезен. Весь мой капитал в денежном исчислении составляет десять фунтов.

– Тогда, может быть, вы скажете мне вашу фамилию?

– А! Первый шаг сделан. Моя фамилия Псмит. – Пе-Смит. «Пе» немое.

– Псмит?

– Псмит.

Мисс Кларксон несколько секунд размышляла над этим, храня почти скорбное молчание, затем вновь подхватила выскальзывающие из ее рук бразды правления.

– Мне кажется, – сказала она, – вам следует сообщить мне некоторые сведения о себе.

– С превеликим удовольствием, – горячо отозвался Псмит. – Я всегда готов... нет, исполнен желания поделиться историей моей жизни, но в наш торопливый век мне редко идут навстречу. Начнем же с начала. Мои младенческие годы. Когда я был еще малое дитя, нянька подкупила шестипенсовиком мою старшую сестру присмотреть, чтобы я не учинил содома и гоморры. К концу дня сестрица потребовала шиллинг и получила его. Теперь мы переходим к моему детству. В нежном возрасте меня отправили в Итон, и все предсказывали мне блистательную карьеру. Ах, мисс Кларксон, это были счастливые дни! Веселый, смеющийся мальчуган, кудрявый, с солнечной улыбкой – не будет преувеличением сказать, что я стал всеобщим любимцем. О, эти старинные стены... Но я вас утомляю, я вижу по вашим глазам...

– Нет, нет! – возразила мисс Кларксон. – Просто... Я ведь спросила, в какой области вы имеете опыт... Собственно, какая работа...

– Место.

– Какое место вам подошло бы?

– В широком смысле слова, – ответил Псмит, – любой пост, адекватно оплачиваемый, который не имеет никакого отношения к рыбе.

– К рыбе! – с дрожью в голосе произнесла мисс Кларксон, вновь теряя бразды. – Но почему к рыбе?

– А потому, дражайшая мисс Кларксон, что до этого утра моя жизнь была повязана с торговлей рыбой, и душа моя восстала.

– Вы торговали рыбой? – пискнула мисс Кларксон, завороченно глядя на безупречные складки его брюк.

– Это не мой рабочий костюм, – объяснил Псмит, проследив и правильно истолковав ее взгляд. – Да, вследствие финансового краха, постигшего мою ветвь нашего рода, я до нынешнего утра служил на посылах у дяди, который, к несчастью, является Монархом Макрелей или Султаном Сардин, или как там еще именуют магнатов коммерции, которые держат за горло рыбный рынок. Он потребовал, чтобы я изучил рыбное дело с самого низа, без сомнения теша себя мыслью, что я последую по его стопам и в конце концов достигну положения Повелителя Палтусов. Увы! Он был слишком оптимистичен. Сбыться этому не было суждено! – произнес Псмит с торжественной скорбью, устремляя на мисс Кларксон совиный взгляд сквозь монокль.

– Нет? – сказала мисс Кларксон.

– Нет. Вчера вечером я был вынужден поставить его в известность, что рыбное дело почтенно, но мне не подходит и что я намерен навеки расторгнуть связь с фирмой. Могу сразу же сказать, что последовало нечто вроде землетрясения. Жестокие слова. – Псмит вздохнул. – Черные взгляды. Непристойная перепалка. И в заключение мой дядя умыл руки, стряхнул мой прах со своих ног и выгнал меня в широкий мир. Чем и объясняется мое желание найти какое-нибудь занятие. Мой дядя отвратил от меня свой лик раз и навсегда, мисс Кларксон.

– Боже мой, – сочувственно произнесла владелица бюро по найму.

– Да. Он суровый человек и ближних своих судит исключительно по их преданности рыбе. В жизни не встречал другого человека, настолько поглощенного чем-то одним. Уже много лет он буквально помешан на рыбе. Настолько, что и сам теперь почти не отличим от рыбы. Словно бы он занялся самовнушением и постоянно повторял про себя: «Каждый день во всех отношениях я становлюсь все больше и больше похожим на рыбу». Теперь даже самые близкие друзья не могут решить, кого он больше напоминает – треску или окуня... Но я вновь утомил вас этими семейными тайнами?

Он внезапно бросил на мисс Кларксон такой пронизывающий взгляд, что она вздрогнула.

– Нет, нет! – воскликнула она.

– Вы утишили мою тревогу. Я вполне отдаю себе отчет, что, разрабатывая тему рыбы, способен более чем наскучить моим слушателям. Но энтузиазм, вызываемый рыбой, остается для меня непостижимым. Мой дядя говорил о хорошем улове сардин в Корнуолле с тем же трепетным благоговением, с какой ищущий прихода благомыслящий молодой священник говорит о несравненной духовности своего епископа. Для меня же, мисс Кларксон, рыбная торговля с первого дня стала тем, что я могу описать лишь как полное фиаско. Она угнетала лучшее во мне. Возмущала все мои фибры. Мне приходилось вставать и вкушать незатейливый завтрак в четыре часа утра, а затем отправляться на Биллингсгейтский рынок и несколько часов стоять по колено в дохлой рыбе всевозможной величины и вида. Без сомнения, чудная жизнь для кошки, но слишком уж забористая для одного из шропширских Псмитов. Моя натура, мисс Кларксон, поэтична, утонченна. Я люблю быть в окружении радости и жизни, а что может быть безрадостнее и безжизненнее, чем дохлая рыба? Помножьте эту дохлую рыбину на миллион, и вы получите среду обитания, которую, не содрогнувшись, мог бы созерцать лишь Данте. Мой дядя твердил мне, что определить свежесть рыбы можно, поглядев ей в глаза. Так мог ли я провести весну жизни, глядя в глаза дохлых рыб? Нет! – Он встал. – Ну, не буду больше вас задерживать. Благодарю вас за неизменную любезность и внимание, с какими вы меня выслушали. Теперь вы поняли, почему мои таланты выброшены на рынок и почему я вынужден прямо оговаривать, что места, так или иначе связанные с рыбой, рассматриваться не будут. Я убежден, что в самом ближайшем будущем вы найдете для меня что-то особенно хорошее.

– Право не знаю, могу ли я обещать это, мистер Псмит.

– «Пе» немое, – напомнил он ей. – Да, кстати, – продолжал он, остановившись в дверях. – Еще один пустячок, и я уйду. Пока я ждал, чтобы вы освободились, я прочел в «Расска-

зах для девочек» за январь тысяча девятьсот девятнадцатого года часть романа с продолжением. Поиски следующих номеров оказались бесплодными. Называется он «Ставка – ее честь», автор – Джейн Эммелина Мосс. Вы, случайно, не знаете, чем все это кончилось? Узнал ли лорд Юстас, после того как обнаружил в полночь Клариссу в спальне сэра Джаспера, что она проникла туда, только чтобы отыскать и изъять неосторожные письма своей задушевной подруги? Вы не знаете? Этого я и опасался. Ну, всего хорошего, мисс Кларк–сон, всего хорошего. Я оставляю свое будущее в ваших руках с легким сердцем.

– Конечно, я приложу все старания...

– А что, – задушевно сказал Псмит, – что может быть плодотворней всех стараний мисс Кларксон?

Он мягко затворил за собой дверь и начал спускаться по ступенькам. Но, сообразив, что может сделать доброе дело, остановился, постучал в окошечко Справочной и просиял благожелательной улыбкой, когда в нем возникла ее коротко остриженная голова.

– Говорят, – сказал он, – что сегодня в Бирмингеме в четвертом заезде надо ставить на Герань. Ручаться за точность этих сведений не могу, но тем не менее... До свидания.

6. Лорд Эмсуорт знакомится с поэтом

I

Когда Псмит вышел на улицу, дождь кончился и уже сияло солнце с тем полунахальным-полувиноватым видом, который оно принимает, вновь появляясь после летнего ливня. Мостовые и тротуары весело блестели, а в воздухе веяла приятная свежесть. На углу он остановился, взвешивая, как провести ближайший час и двадцать минут – до истечения этого срока садиться за второй завтрак было бы слишком рано. То обстоятельство, что до редакции «Морнинг глоб» можно было не спеша дойти за несколько минут, подсказало ему решение направиться туда и узнать, принесла ли первая почта какие-нибудь ответы на его объявление. И затраченные им усилия были вскоре вознаграждены, когда ящик номер 365, будучи открыт, предложил ему немало материала для чтения. В целом не менее семи конвертов. Неплохая охота.

Однако то, что на первый взгляд выглядело достохвальным взрывом предприимчивости среди любителей газетного чтения, при ближайшем рассмотрении, когда он удалился с конвертами в тихий уголок, оказалось пустой иллюзией. Хотя в определенном смысле послания эти свидетельствовали о предприимчивости – и, бесспорно, указывали на изобретательность и деловую хватку их авторов, – для Псмита они явились горьким разочарованием. Он ожидал чего-нибудь получше. Не для того он заплатил солидную сумму, чтобы получать такие письма. Они били исключительно мимо. В них, по его мнению, отсутствовал требуемый дух.

Первый конверт, как ни привлекателен был он внешне – дорогой и украшенный довольно-таки поразительным гербом, – содержал лишь любезное предложение некоего мистера Алистера Макдугалла ссудить его любой суммой от десяти до пятидесяти тысяч фунтов только под расписку. Второй конверт обрадовал его таким же предложением от еще одного шотландца, Колина Макдональда. В третьем мистер Иан Кемпбелл готов был расщедриться на сто тысяч. Все три филантропа ставили только одно условие – с несовершеннолетними они дела иметь не желали. Юность, несмотря на весь ее блеск и великолепие, их не влекла. Однако они сердечно уговаривали Псмита – если он уже отпраздновал свой двадцать первый день рождения – посетить их контору и забрать мешок банкнот.

Сохраняя благоразумие под сыплющимися на него богатствами, Псмит бросил эти три письма в мусорную корзинку и вскрыл следующее. Конверт был пухлый и содержал брошюру, озаглавленную: «Сей же Ночью Душа Твоя Будет Исторгнута Из Тебя», а номер пятый, по странному совпадению, оказался рекламным проспектом предприимчивой фирмы гробовщиков, которые предлагали похоронить его за восемь фунтов десять шиллингов. Номер шестой, также печатный, содержал манифест некоего Говарда Хилла из Ньюмаркета, требовавший, чтобы он незамедлительно выписал «Хилловских трех лошадей», специальный выпуск, без которого («Кто, – вопрошал мистер Хилл дюймовым шрифтом, – указал вам Уиббли-Уоба на розыгрыше Юбилейного Кубка?») нельзя было и надеяться нагреть букмекеров.

Псмит и это предложение отправил в корзинку вслед за остальными, хотя тем самым изобличил в себе такое же отсутствие предприимчивости, какое оплакивал у широкой публики. Оставался только номер седьмой, и в душе Псмита замерцала надежда – адрес был написан от руки, а не напечатан на машинке. Он вскрыл конверт.

Да, без сомнения, он нечаянно отложил единственный выигранный билет напоследок. Это письмо искупало все предыдущие разочарования.

Каракули, видимо выводившиеся взволнованной рукой, гласили:

«Если Р. Псмит встретит пишущего в вестибюле отеля „Пикадилли палас“ ровно в двенадцать в пятницу 1 июля, может выйти дело, если речь идет о деле и условия приемлемы. Р. Псмит придет с розовой хризантемой в петлице и скажет пишущему: „Завтра в Нортумберленде будет дождь“, на что пишущий ответит: „Полезно для урожая“. Просьба быть пунктуальным».

Когда Псмит прочел послание во второй раз, на его серьезном лице заиграла улыбка. Оно куда больше отвечало его ожиданиям. Хотя самый близкий его друг, Майк Джексон, был довольно заурядным молодым человеком, вкусы Псмита, когда он искал чьего-то общества, как правило, влекли его к странностям и чудачествам. Он предпочитал эксцентричную часть рода человеческого. А «пишущий», судя по этой эпистоле, мог в смысле эксцентричности удовлетворить самый взыскательный вкус. Окажется ли этот многообещающий индивид любителем шуток или же маньяком – значения не имело: Псмит полагал, что останавливаться на полдороге не следует. Кем бы ни был «пишущий», его общество позволит весело скоротать время до второго завтрака. Псмит поглядел на часы. Без четверти двенадцать. Да, у него хватит времени разжиться необходимой хризантемой и добраться до «Пикадилли паласа» ровно в двенадцать, таким образом проявив пунктуальность, которой неведомый «пишущий», видимо, придавал особое значение.

Только когда по дороге к месту встречи Псмит вошел в цветочный магазин, у него забрезжило подозрение, что приключение это имеет свои минусы. Первым минусом оказалась хризантема. Увлечшись посланием в целом, Псмит, читая его, не осознал, какой именно цветок ему предстояло вдеть в петлицу. Но когда в ответ на изъясненное им желание обзавестись хризантемой цветочница двинулась к нему, почти скрытая, точно войско под Дунсианом, за чем-то вроде пышного куста, он понял, что ему предстоит, – ему, ценителю строгой и элегантной манеры одеваться.

– Это что, хризантема?

– Да, сэр. Розовая хризантема.

– Одна?!

– Да, сэр. Одна розовая хризантема.

Псмит неодобрительно оглядел в моноколь омерзительное чудище. Затем, протерев его в петлицу, он продолжил путь, ощущая себя лесным зверем, выглядывающим из чащи. Непотребный бурьян испортил ему остаток прогулки.

Когда же он вошел в вестибюль отеля, то обнаружил новый камень преткновения. Вестибюль, по обыкновению, кишел людьми, поскольку это было признанное место встреч всех тех, кто по той или иной причине не мог отправиться дальше на восток к традиционному рандеву лондонцев под часами у станции метро «Чаринг-Кросс», а «пишущий», дав указания, как Псмиту следует украсить свою внешность, беззаботно забыл упомянуть, по каким признакам можно будет узнать его самого. Пустоголовый и необстоятельный заговорщик, решил Псмит.

Наиболее разумным ему представлялось занять место как можно ближе к центру вестибюля и ждать, пока «пишущий», подманенный на хризантему, не подойдет к нему сам и не предпримет чего-нибудь. Так Псмит и поступил, но, когда за десять минут ничего не произошло, кроме столкновений с куда-то спешащими посетителями отеля, он перешел к более активным действиям. Возле него уже пять минут стоял молодой человек спортивного вида, и все чаще этот молодой человек с некоторым нетерпением поглядывал на часы. Он явно кого-то ждал, и Псмит испробовал на нем магическую формулу.

– Завтра, – сказал Псмит, – в Нортумберленде будет дождь.

Молодой человек посмотрел на него не без интереса, но в глазах его не вспыхнул огонек узнавания, который надеялся увидеть Псмит.

– Что? – ответил он.

– Завтра в Нортумберленде будет дождь.

– Спасибо, Нострадамус, – сказал молодой человек. – Весьма и весьма приятное известие.

А может быть, заодно предскажете и победителя Гудвудских скачек?

И он тут же быстрым шагом удалился, чтобы перехватить молодую женщину в большой шляпе, только что вышедшую из вращающейся двери. Псмит был вынужден заключить, что этот был не тем, и немного пожалел: его недавний собеседник производил самое благоприятное впечатление.

Поскольку Псмит занял стационарную позицию, а население вестибюля находилось практически в непрерывном движении, рядом с ним все время оказывался кто-то новый, и теперь он решил обратиться к индивиду, которого очередная перетасовка поставила бок о бок с ним. По виду – душа нараспашку в цветастом жилете, в белой шляпе и с пятнистой физиономией. Именно такой человек и мог написать такое письмо.

Метеорологическое замечание Псмита произвело на этого индивида мгновенное действие. Когда он обернулся, его чисто вы-бритое лицо уже излучало свет радостного дружелюбия. Он ухватил руку Псмита и потряс ее с восхищенной сердечностью. У него был вид человека, который нашел друга, причем старинного друга. Лицо его сияло восторгом влюбленных, воссоединившихся в конце тяжелого пути.

– Старина! – вскричал он. – Я уже пять минут жду, чтобы вы заговорили. Знал, что мы уже встречались, но не мог припомнить где. Лицо, естественно, до чертиков знакомое. Ну, ну, ну! И как они все?

– Кто? – учтиво осведомился Псмит.

– Ну-у, все ребята, дорогой мой.

– А, ребята?

– Милые наши ребята, – внес уточнение его собеседник и хлопнул Псмита по плечу. – Вот были денечки, а?

– Какие? – спросил Псмит.

– Ну, те, которые мы проводили вместе.

– Ах, те! – сказал Псмит.

Казалось, бурная радость индивида в белой шляпе чуть-чуть омрачилась, словно туча начала напоздать на летнее небо. Но он еще крепился.

– Только подумать, что мы вот так встретились!

– Мир тесен, – согласился Псмит.

– Я бы позвал вас выпить, – сказал душа нараспашку с тем легким напряжением, которое овладевает человеком, когда он добирается до сути дела, – но только мой идиот-камердинер забыл утром подать мне бумажник! Дьявольская небрежность. Придется его уволить.

– Да, досадно, – заметил Псмит.

– Эх, если бы я мог вас угостить, – вздохнул тот горестно.

– Нет в языке тоскливей слов, чем «быть могло, но не сбылось!», – вздохнул Псмит.

– А знаете что, – сказал душа нараспашку, вдруг возрадовавшись, – одолжите мне пятерку, старина. Наилучший выход из затруднения. А вечером, когда я вернусь домой, я пришлю ее вам в отель или куда скажете.

На губах Псмита заиграла ласковая печальная улыбка.

– Оставь меня, товарищ, – прожурчал он.

– А?

– Проходи, проходи, старый друг.

Оживление на лице его собеседника сменилось покорностью судьбе.

– Не вышло?

– Нет.

– Ну, так ведь попробовать никому не возбраняется, – заметил владелец белой шляпы.

– Отнюдь, отнюдь.

– Видите ли, – доверительно сказал душа уже не нараспашку, – с этим моноклем вы таким ослом выглядите, что удержаться никак невозможно.

– Да-да, я понимаю, что никак.

– Извините за беспокойство.

– Ничего, пожалуйста.

Белая шляпа исчезла за вращающейся дверью, а Псмит вернулся к своим поискам и воззвал к пожилому мужчине в табачного цвета костюме, который как раз оказался в радиусе слышимости:

– Завтра в Нортумберленде будет дождь!

Тот вопросительно прищурился на него.

– Э? – сказал он.

Псмит повторил свое сообщение.

– А? – сказал тот.

Псмит начинал утрачивать невозмутимое спокойствие, которое придавало ему такую внушительность в глазах общества. Он не учел возможности, что объект его розысков окажется туг на ухо. Еще один камень преткновения. Он отошел, но тут ему на локоть легла рука.

Псмит оглянулся. Рука, все еще цепляющаяся за его локоть, принадлежала элегантно одетому молодому человеку, в котором проглядывало что-то нервное и даже лихорадочное. Неся свой дозор, Псмит успел заметить этого молодого человека, стоявшего довольно близко, и даже подумывал, не включить ли и его в ряды новых друзей, приобретенных за это утро.

– Послушайте! – сказал молодой человек напряженным шепотом. – Я не ослышался, вы правда сказали, что в Нортумберленде завтра будет дождь?

– Если, – ответил Псмит, – вы находились в пределах десятка ярдов от того места, где я беседовал с мелькнувшим здесь глухим тетеревом, то, возможно, вы и не ослышались.

– Полезно для урожая, – сказал молодой человек. – Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.